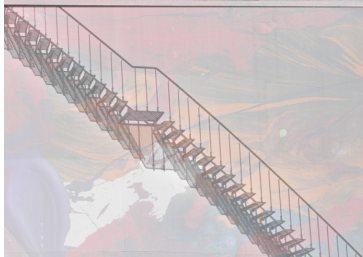

ШИЗОФРЕНИЯ, ПЕРЕДАЮЩАЯСЯ ПОЛОВЫМ ПУТЁМ

ЯНОС ЛИ РУВЕР

18+

2022

Янос Ли Рувер

Шизофрения, передающаяся

половым путём

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67902467
SelfPub; 2022

Аннотация

Психически больной человек направляется в психоневрологический диспансер, желая попасть на приём к врачу, но, пугаясь очередей, он проходит мимо нужных ему кабинетов. Психически больной человек попадает в отдел кадров, где его, с его молчаливого попустительства, принимают на работу в психоневрологический диспансер.

Содержание

1	4
2	20
3	27
4	33
5	39
6	40
7	44
8	46
9	48
10	51
11	54
12	59
13	66
14	71
15	76
16	80
17	86
18	88
19	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Янос Рувер Шизофрения, передающаяся половым путём

1

«Синдром самозванца» – психологическое явление, при котором подверженному кажется, что он не заслужил своей профессиональной позиции, успеха в области своей деятельности. Достижения приписываются внешним причинам, а не своим способностям и приложенному труду.

На малом расстоянии, из одной руки в другую – переломанная зубочистка.

– Хороший бывший врач с утра... выпил хмеля, – пробормотал горько, признавая вину.

– Мне пора, – не глядя, прошла она мимо, собранная лаконичная, иссушённая уставшая, на работу.

Хлопнула дверь с противным вздохом-сквозняком.

Стало дико пусто в сырой однокомнатной квартире. Тёмные шторы занавесом отбирали нагарный цвет весны.

Посмотрел на себя в овальный портал. Там нечто двух-

метровое, широкоплечее, но осунувшееся, горбленое, разменявшее четвёртый десяток, плохое:

– А мы? А мы... пойдём по местам былой славы. Что нам дома отсиживаться... Заполним деятельностью наше безграничное существование! А? Запишем для самоконтроля дату только...

Вывелось кривым дрожащим: «Такая весна такого года. Очередное Сегодня. Опять утро».

Опять утро...

Утро...

Более ничего на ум не шло.

Хлопнул дверью. Противный вздох сквозняка.

Ключ провернулся легко, будто сломанный. Полы пальто путались у колен. Нервно в кармане в ладони крошечная фигурная отвёртка.

Щербатые ступени с голубыми полосами, гнутые ограждения пролётов, мятые электрические щиты, зрачки глазков соседских разномастных, скрип половиц старого старого подъезда.

Тяжёлая пружина в россыпи ссохшихся капель – механизм телепорта в огромное пространство.

Внешний мир окатил жёстким светом, хаотичным гаркающим шумом. На улице пахло талым. По бетону, панелям домов, штукатурке – потёки, как от слёз, испарялись тут же белым паром. Невероятная сырость с неудобным холодом под воротник. Тёмный с крупными смога снег кашей чавкал под

шагами, обнажал необработанное серебро луж, заливая союски и носочные части туфель.

Хотелось обратно.

Забиться.

Проспать.

Сознание ошалело от большого мира. Воздух жёг. Непоследовательный рокот города сбивал с толку. Качались голые сухие ветки, неслись рваными клочьями тучи.

Глупая затея. Невыносимая быть. Невыносимое это было стремление – идти вопреки.

Возвращаться в тоску одиночества, впрочем, тоже.

Даже хуже. В какой-то степени.

Шёл часа два. Половина пути. Бездумно, оскальзываясь на колеях сталактитовых дорог, проваливаясь в рыхлые сугробы на пустырях меж облезлых домов. Ослепляясь ярко-серым прожекторным негуманным от точечного солнца.

Пересохло во рту, чувство хмеля спало. В мышцах, в голенях заныло.

Спустя ещё километры остановился у высокого бетонного забора диспансера. Пусто. Только лай собак поодаль и дрожь молочного воздуха. Взял охапку снега почище, сунул под нёбо, в зубы. Треснувшие губы заныли колючей маленькой болью. Перевёл дыхание, пошёл вдоль забора. Лезть через него поверху казалось непосильной задачей. Шептал с одышкой:

– ...сколько прошло? Лет десять прошло... Конечно, забросили тут уже всё. Выделили им здание посвежее, а то и

новое построили? В центре, вроде... Главврачу палец в рот, конечно... Сколько он на этом переезде себе заработал?

Проход нашёлся спустя метров двести. Странно, что до основания не растащили ни сам забор, ни огромные трубы отопления на территории, ни коробки корпусов.

Проклятое место, неудобное место, отчуждённое место.

На необъятном участке внутреннего двора диспансера стояли два двухэтажных корпуса Н-образной формы. Приземистый хозяйственный и, отдалённо, величавый аскетичный близкий – корпус администрации со стационарами в левом и правом крыле. С заваленной шиферной крышей и обрушенным углом в плесени. В порушенном углу виднелась стена ванной комнаты, разбитый кафель на вертикалях. Окна, заколоченные фанерой, заложенные кирпичом и забитые мусором в очернённых смолой решётках. Остатки входной деревянной двери на кривых петлях тёртого медного цвета.

Довлеющее с утра ощущение некой исполнимости задачи пропало. Оно мотивировало идти сюда, оказаться здесь, обещало полноценно вспомнить эфемерно забытое и исчезающее, пробыть весь путь до конца и дать ответ по результатам решения-похода.

Ничего теперь предательски не ощущалось. Тихо внутри.

Сам виноват, сам сочинил, получай (сам) одно лишь ничего.

Но нужно было убедиться. Пройтись по крошеву, зайти в кабинет, открыть сейф, найти в нём позабытые рукопи-

си-тетради. Тогда мы ещё посмотрим. Разбудим!

Не должно же быть всё так бессмысленно, а?! Дорогой мой Сообщник?!

Прошёл внутрь. Рваная лёгкая-мягкая пружина нефункционирующей культей – механизм телепорта в пространство, ужатое до сингулярности.

Радоваться надо, осмысленное искать (дошёл ведь, занялся хоть спортивной ходьбой, подышал кислородом) и – принимать, в конце то концов. Позитивное мышление, принятие смиренно сущего и ожидание лучшего – залог успеха лечения.

За входной дверью корпуса – глухая чёрная тишина. Напрыгнула огромным добрым чудищем. Мягким как мох. С еле уловимым гнилым запахом. Отобрала шум, бесшовные улицы, скрыла бескрайность неба. Облачила в шершавый бетон, в необъяснимый покой, уют закрытого и безопасного помещения. Шоркающим эхом отдавались звуки подошв. Ветер остро и кротко выдувал волынкой на низких частотах. Ошмётки стёкшего косого снега у проёмов, у выбитых фанер – налегли горбами-барханами.

Прошёл вдоль, мимо разбитых кабинетов, вдоль спуска каталок, по вскрытым и рваным доскам, по стёсанным монолитным лоткам – до одной из отдалённых, непарадной лестницы. Лестница в два пролёта – двадцать две ступени – по одиннадцать на каждый пролёт. Под пролётом, удивительно, что сохранился – приросший, въевшийся как пенёк, скошен-

ный в трапезию стол дежурной сестры. С осколками стекла и мусором, уродливо вздутыми струпьями лакированных поверхностей.

Дальше, по первому этажу – отдельное крыло здания.

Когда-то там находилось отделение принудительных больных. Там воняло нездоровым и затхлым, тупой животной глупостью и человеческой обречённостью.

Толкаю тугую решётку двери, сплошь искромсанной полосами будто порезов.

В общем коридоре крыла – куцые остатки мебели, следы стихийных костров, шприцы, бутылки, фольгирующие упаковки и выцветшие фантики. На стенах углём, мелом и красками граффити – некрасивые надписи разным кеглем и начертанием; примитивные рисунки половых органов. Заскорузлые выжженные лучами редкие плакаты. Лозунги на них – стёрты. Лица – пугающие кляксовидные пятна.

Внутри палат – металлические кровати, вяленные в грязных клочках ваты матрасы, под потолком – железные квадраты вентиляционных шахт.

Сестринская, процедурная, санузел, и, отдалённый угловой – кабинет.

В кабинете – вмурованный во внутреннюю стену сейф. Он прикрыт листом фальшь-панели. Его не видно – всё завалено барахлом, помойным хламом, лоскутами праха обоев и строительными обломками.

Выгреб труху в коридор. Докопался до фальшь-пане-

ли, маленького прямоугольника, небрежно маскированного мазками под основу палитры отделки.

Винты, обламываясь, срывая резьбу, выкручивались нехотя.

Отогнув прямоугольник панели – дверца сейфа невозмутимая с торчащим вперёд цилиндром в насечках валиком.

Провернул до звонкого щелчка. Охнула толстая дверца, выпуская воздух внутрь. Внутри сейфа – папка скоросшивателя в целлофане. В папке – несколько общих тетрадей, тетрадь тонкая. Сухость ломаного осеннего листа. На обложках: пятна, чайные потёки, размазанные чернильные полосы.

Вспомнил, как выставлял внутренности: описание ведомых дел в начале, вольные трактовки первых лиц в середине, замещающие исходы в кульминациях.

Вспомнил скупно – будто не было этого прошлого.

Попытка реабилитации. Их – как людей. Себя – как специалиста. Мотив играл простой – ведь все и всегда пытаются найти внутри – профессионала-специалиста, лучшего человека. Силён ведь соблазн быть и чувствовать себя необходимым. Быть на «своём» месте. Умелым, уверенным, знающим и способным. Быть на все сто за то, что ты тут – неслучайно, что по достоинству, что по праву диктуешь ясный Абсолют и принимаешь самые верные решения.

Раскрыл тетради. Слипшиеся страницы. Забытые, но знакомые строки.

Обеление.

С долями сомнений.

Но кто сказал, что мы должны помнить и отражать голое положение вещей «как есть»? Мы можем помнить и то, что душе угодно.

Свернул тетради и положил в боковой карман.

Сел на подоконник, вытащил из внутреннего дешёвую коммерческую флягу, свернул невесомую крышечку – залпом отпил, запрокидывая.

Специально сюда тащил её, для празднования торжественности.

Жадные ненасытные зависимые глотки.

Резкая пощёчина ощущаемая.

Огненная вода, расширай сознание! Делай супергероем и всепонимающим. Всетворящим и властителем мира, где мир – сам и все прочие, всё прочее кругом ничтожно мало! Уничтожай нейронные связи, дискредитируй! Унижай, но вздыби кверху! Толкай на сумасбродство, великую деятельность и, одновременно, парадоксальную индифферентность к происходящему!

Сладкая горькая вода.

Разлилось по пищеводу, в желудок, по кишкам горячее. Закружило голову, воодушевило, чётче стало в глазах. Тело взлетело над всем, ощутило себя übermensch, отвергло обвинения в моральном запустении.

Внизу – лоскуты карт. План здания – лабиринт, стрелки пунктира эвакуации художественные каллиграфические, на-

смехаясь, упираются идиотами в тупики.

Полёт.

Дыхание расширено, зрачки ловят больше света, тело готово к трансгрессии, игнорированию шумов, безразличию к огромному небу, в которое только падать и падать безостановочно.

Отчётливо пахнуло спиртом – остро, обонятельным окриком, *реально*.

Послышались резко голоса снаружи. Незрелые, высокие. В школьных формах, лет по десять им, весело лезли на поиски приключений к парадному входу. Бурно и задорно матерясь, по-детски несли глупую чушь.

Пора было брести домой.

Решил выйти с запасного входа у некогда приёмной администрации. По пути прикладываюсь к фляге. Скорее её прикончить – чтобы на обратном в несколько часов – протрезветь.

Ясно вспомнил наваждением, как очень много лет назад с Большим братом (такими же незрелыми с высокими) – полезли в ещё недостроенный корпус этого диспансера. Его строили долго. Из-за затяжного характера строительства и сопутствующих около проблем – выдумывались городские легенды. Большой брат их рассказывал весьма серьёзным тоном, пытаясь напустить важности испуга. Он говорил, что «психушку» не достроят, потому что рабочие бесследно пропадают один за другим. Во время работ, мол, к ним подхо-

дит врач-психиатр со свитой: двухметровыми санитарями за спиной. Они скручивают рабочих, вяжут к железным кроватям, вызывают безобразных медсестёр. Те вкалывают препараты и рабочие, под их действием ли, или почему ещё оказываются уже в отремонтированной и функционирующей больнице на полноценной роли пациентов. То ли в будущем, то ли в альтернативном мире – там, где никто не верит им. Их держат принудительно и продолжают авторитарно лечить. На мой вопрос, откуда же это известно, да и для чего это нужно, Большой брат отвечал, что один из рабочих убежал оттуда – и рассказал. А нужно это всё потому, что тот призрачный врач-психиатр чувствует за собой вину. Ведь на этом месте в старую войну, сто лет назад, был госпиталь для душевнобольных, он плохо лечил душевнобольных, а теперь вот, после смерти – так реабилитируется, «вербуя» новых пациентов в свою потустороннюю лечебницу и «излечивая» их уже вроде как по-настоящему.

Сделал последний глоток. Бреду к запасному выходу. Зелёная табличка на уровне лба. Надпись, выведенная грубым трафаретом: «Отдел кадров». Остановился, бросил флягу, зашёл в кабинет. Длинная стойка, вмурованная в стену. Облезлый, с ошмётками дерматина, уродливый казённый стул. Сбитый из прессованных опилок шкаф с парой распухших книг.

Запахло духами.

Женский голос в синем громко спросил:

— ...вы откуда к нам?

Ещё Большой брат рассказывал о бесконечных катакомбах, что проложены под корпусами, соединённые друг с другом, ведущие к секретным помещениям. Попадая в них — теряешься в безумном лабиринте, не находя выхода — бродишь по ним до самой смерти. Рассказывал брат о помывочной комнате, в которую тяжело, но можно попасть, через узкие (как во снах клаустрофобные) лазы. В этой комнате есть большое зеркало, в нём отражаются все твои болезни: ты можешь увидеть повреждённые органы; подышав на зеркало — прочитать (будто кто по запотевшему написал с той стороны) дату своей смерти или описание своего сумасшествия. Там же стоит чугунная ванна, опустившись в которую можно получить бессмертие, богатство, излечение, но надо чем-то пожертвовать. А вот чем — не узнаешь, пока не вылезешь. Может, у тебя заберут часть тела; может, погибнут твои родственники; может, ты окажешься в прошлом; может, тебя все забудут.

Запах духов стремительно исчез.

Мимо кабинета отдела кадров — силуэтом школьник. Один, без прочих остальных. Тут же скрылся, топя пуганным бегом. Надо уходить.

Железная дверь неприглядная торцевая, опустившаяся — диагонально завалена, не открыть. Школьники загомонили, споря, у парадного. Решил обойти, не попадаться им на глаза. К лестнице (симметричная той, другого крыла, такая же

непарадная), поднялся на второй этаж.

Конечно, никакого врача-психиатра мы с Большим братом не встретили. Катакомбы ограничивались единственным тоннелем от главного корпуса ко второму и в длину он был не более полсотни метров. Какая из комнат будет помывочной (ведь стройку не завершали) – неясно, узких лазов не наблюдалось. Была заброшенная стройка и всё. Большой брат тогда покурил с досады и предложил залезть на терриконы – «замочить» время. Мне казалось, что-то мы делали неправильно. И будь мы понастойчивей – нам бы открылись «потусторонние» тайны недостроенного психоневрологического диспансера.

Сейчас здесь снова – как в детстве – пустота. Она, правда, совсем иная – изнасилованная, испещрённая, потасканная и выпотрошенная. Бытовая, прозаическая.

Двадцать две ступени вверх даются под алкоголем непросто.

На втором этаже мне ясно-тихо слышалось: «Привет, старина. Как поживаешь?».

– И тебе. Привет.

Слуховые галлюцинации убедительны. Отзвук их раздаётся непосредственно внутри, поэтому они громче и сильнее обычных мирских голосов. Как бы вы ни понимали, что это всего лишь галлюцинация, что это пришлое, нереальное – вы слышите голоса очень отчётливо и эмоционально. Они воздействуют не только акустически, они воздействуют объём-

но, на все чувства сразу. Они внушают нерушимое ощущение, что слышимое – это действительная истина. Авторитетно давят на вас, и вы не смеее им противиться, подвергать сказанное ими сомнению.

– Давно не заходил... – укоризненно сказал отец. Молодой, осанистый, гибкий и красивый. Живой. Он курил в форточку. Коридор сиял белым, дышал влажным – всюду шёл ремонт.

– До сих пор путаюсь во временах, – обманчиво-глупо отшучиваюсь. – Мама тоже здесь? – спросил его.

– Что-то вроде больничного... Не место ей здесь, если честно, с её кашлем.

Мама померла от туберкулёза, так и не дождавшись конца тюремного срока. На миг весь второй этаж озарило сумрачным, вместо лика отца – стёсанные голые кости с отверстиями черепа.

– Не успел навестить? – снова живой здоровый отец выбросил бычок на улицу и плотно прикрыл дверцу – чтобы морозный холод не шёл, и шпатлёвка не пострадала.

– Не успел, – подтверждаю.

– Эх, старина, чего ж ты...

Тяжело, неудобно было ему объяснить перипетию внутренних загонов. Пусть и некомфортно сейчас было без досады слушать его «чего ж ты». Не ему осуждать. Так мне хотелось, так *всё* и прошло. Было и было.

– Вот именно – «было и было». Прощать надо уметь. По-

нимать и принимать. В жизни только это и остаётся.

– Отец, прекрати, – огрызнулся от него.

Помолчали. Ждали чего-то. Руки было некуда девать. Спросил, осматриваясь, чтобы в тишине не вязнуть:

– А вы всё не закончите?

– Почему? Заканчиваем... Зарплату задерживают – разбегаются калымить. А когда выдают – разбегаются пить и безбожно прогуливают. Замордованный комедийный круг получается, – он хрипло растерянно рассмеялся.

Вяло поддерживающе улыбнулся. Отец прокашлялся:

– Старина, а ты чего хотел-то? Спросить что-то? Или просто.

– По местам бывлой славы. Думал, может, дёрнет что-то. Легче станет, не знаю. Как-то плохо на душе. Скребёт.

Отец подошёл вплотную, взял за голову грубо, посмотрел пытливо в глаза прямо. Лицо его стало морщинистым, окровавлено уродливым, искореженно раздутым, будто кто-то нарисовал детализированный гиперболический шарж. Визгливо крикнул мне истерикой:

– Тогда скажи!!! Что с ними стало всеми?!

Сзади обвалилось грохотом. Повернулся и увидел того самого школьника, что ошивался у кабинета отдела кадров. Школьник спешно побежал, исчезнув с места, шумно топая, суматошно спотыкаясь.

Обернулся обратно, к отцу – чёрный от копоти коридор теперь покрыт сумраком, щепками, дресвой, голубиным по-

мётом и разрушением. Рамка форточки без стекла ударилась об откос – ветер бросил мокрое внутрь.

Сунул руки в карманы, задел торчащие тетради. Они упали, раскрываясь. Из них, зажатые между страниц – посыпались ворохом: мятые в свёрнутую плоскость лотерейные билеты, открытка с изображением астронавта в непроглядном космосе, марки с матричным рисунком парома на пристани, старая банкнота номиналом в 25 и фотоснимок, на котором силуэты двух людей, обнимающихся перед занавесом штор и танцующих. Подбирать не стал.

Спустился вниз.

Вышел, наконец, прочь.

И пока шёл по заваленным тропам между облезлыми корпусами – вокруг плотным паром, душным облаком с земли – поднялся монохромный туман. Он отсвечивал тонкими каплями калёного олова, мягким теплом укрывал и уносил назад далеко куда-то неведомо, захватывая приятно, помладенчески, истощённый дух. Он проваливал под пышный чернозём влажный, скрипящий вкусным и терпким на зубах, проникал в раны на губах, заполняя собой, удушая.

Оказываюсь в катакомбах между корпусами. Брожу в длинных маслянистых казематных поворотах, шагаю по склонам. По бесконечным Эшеровским. То вверх, то вниз, то в стороны. Не вижу ни одного проёма дверного – лишь стены, стены, стены. Проявляются (чем дальше) следящие повсеместно трипофобно (тем чаще) линзы сферические. В

них дёргаются в прожилках больные глаза с нистагмом. А окна-амбразуры (и они здесь) все – в витиеватых изгородях ограждающих, утопленных глубоко, сваренных наглухо. Да и за ними – тьма великого Ничто.

Отсюда выхода нет.

Отсюда нет выхода. Только потом, где-то впереди (как заведут) через узкий лаз (клаустрофобный, помните? как во снах), только после посещения кафельной помывочной комнаты, процедур чугунной ванны. Только после бесед, с чтением надписей у зеркал расфокусированно, или уж отмалчиваний с прямым, а то лучше – демонстративно в сторону. Да с руками, которые некуда девать.

Только такой побег от всех. И от себя, конечно, в первую очередь. Мне это вдруг оказывается знакомо.

Это уже было пройдено не раз.

Просто подзабыл об этом, как обычно, как всегда.

Излечение оказывается реинкарнационным и циклическим. Как всегда.

Заманчиво читать чужие дневники. Увидите нароком чей-то дневник – обязательно прочтите.

Даты дневника идут строго по линии. Записи после них, под ними регулярно – сухие, скудные, схематичные. Но порой, примерно раз в месяц, они перемежаются вздутыми абзацами, где гипертрофированные описания банальных вещей подаются с претензией на художественную прозу.

Посеребрённый монохромный туман.

Он был блекл, в меру ярк, в меру тёмн. Он был окаймлён винтажными скруглениями по краям. Так, будто мы с тобой устали на гаснущий экран устаревшего телевизора в заваленной мебелью гостиной.

Тяжёлые шторы задрапированы.

За окном гас поздний вечер.

Солнце село совсем недавно.

Вокруг лишь шелестел – шёлк тишины.

Вкрадчиво и настойчивей слышался белый шум, что мерно качивал гаснущее сознание.

Одной из моих ментальных задач с детства являлась доскональная фиксация всеми органами чувств всего происходящего вокруг, с целью той, чтобы вечером отразить это на под сегодняшней датой в письменном виде. Довольно таки положительное занятие, потому как требовало для осу-

ществления значительный ресурс мозговых клеток, а значит: для изысканий излюбленных моим сознанием вещей негативных – мощностного ресурса выделялось меньше. Положительного же, в моём восприятии мира (безусловного от невозможности осознать), соответственно – становилось больше.

Но в «Первом сегодня» этого было недостаточно. В «Первом сегодня» требовалось придумать для себя какую-нибудь ещё более полновесную отвлекающую задачу, чтобы быть в полном гипнотическом трансе, пока несло к конечной точке «b». Чтобы не успеть передумать, не осознать тяжесть и невозможность, не успеть испугаться, спохватиться и не повернуть трусливо назад.

В «Первом сегодня» вышел из точки «a», в которой остались: спящая преподавательница валеологии, мятая жёсткая кровать, устаревший включенный телевизор, овальное зеркало-портал, тусклая ванная и прочий однокомнатный серый быт.

Как и основная: направиться в точку «b», отвлекающая задача сформировалась так же явно и тоталитарно, (будто внушили силой авторитета). Отвлекающей задачей стал арифметический анализ сумм и произведений всех цифр в тех или иных значимых датах, отражённых в дневнике (по памяти); упомянутых воспоминаниями в дневнике; а также значимых дат по сути: рождения, смертей, национальных и профессиональных праздников, сегодняшнего дня. При этом:

должна была быть установлена чёткая закономерность всего этого. Общий знаменатель или какая-либо прогрессия, зависимость переменной от переменной – нечто такое.

Проблема: многие даты из дневника в совокупности не выдавали закономерностей, были хаотичными и неинтересными. Манипуляции, жонглирование числами и цифрами – не приводили явных результатов под чертой изысканий. Но тем и лучше – значит надо искать и исследовать глубже, сложнее, более загружать себя.

Пункт «b» приближался неотвратимо за этими размышлениями. Пунктом «b» являлся «Областной психоневрологический диспансер», туда мой путь был предreshён ещё давным-давно, ещё, может, в самом детстве. Только тогда понятия не имело моё сознание, что это заведение называется «Психоневрологический диспансер».

Ещё способом самогипноза, для беспрепятственного проследования-прорыва в диспансер было наивно шифровать литерой «b» точку назначения. Но, чем ближе, что закономерно, тем менее это работало.

Знание конечной точки разбудило подсознание. Оно шугливо уяснило, что происходит. И – включило сигнал тревоги: разворачиваться, идти обратно в безопасное – домой. Домой! Подальше от голубого неба, бездонного, втягивающего в опасное неконтролируемое и хаотичное; от сотни источников жутких шумов неподвластного движения участников улиц; солнечного радиоактивного света, сжигающего кожу и

путающее в лихорадку мысли.

Домой! Обратно!

В безопасный уют. В тихий переливчатый еле слышимый гомон соседей за спасительным бетоном стен.

Рука из одной в другую переложила папку, в которой корочки документов, полупустая тетрадь неоконченного дневника, несколько пустых тетрадей про запас (общие и тонкие), пластмассовая шариковая ручка, наточенный карандаш.

Это слабое средство обороны – перекладывать папку. Подсознание ответной мерой дало команду: зажать её локтем и более не трогать.

Руки освободились. Спрятались от весенней стужи в глубокие карманы, оставленные в покое. Ноги же, невидимые пока – спешно, ускоряясь, бежали вперёд, тянули, понимая, что единственно осталось: нестись к пункту назначения, нагнать незримую «границу невозврата».

Чтобы отвлечься, не дать захватить контроль над ногами, шарил глазами по сторонам: высокий бетонный забор, редкие прохожие, редкие бродячие псы и неокрашенная реальность свежего воздуха с ореолом солнца. Необходимо также было удостовериться, что поход реален и реально само моё тело в этом походе – зафиксировал текстуру асфальтного ландшафта, свои туфли, брюки, полы пальто.

Понесло трупным запахом и запахом металла свежей крови.

Меня на миг погрузило в кошмар: пальто было порвано,

грязно и – в складках; брюки – в налипшей глине; туфли обезображены и асфальта вроде как нет – отдельные куски щебня слеплены битумом, разбросанные хаотично, здания-корпуса – разрушены, заброшены.

Наваждение прошло: всё стало как прежде, в твёрдой угловатой реальности, отстроенное, с иголки в стежках ровных швов. Пахнуло свежестью талого снега и жизнью.

Подсознание воспользовалось заминкой от кошмара – принялось устанавливать диктаторски и всепроникающе свою волю, захватило, набросило мягкие сковывающие ремни. Оно, думая, что сдался – обращалось нравоучительно, полное в своей правоте, уверенное, что теперь кончено, повзрослому: «Назад».

Кстати.

Вопреки самоутверждению и утверждению вообще, что выдающиеся природные данные (высокий рост, широта плеч, волевой подбородок, широкие ладони, массивные мышцы) придают уверенности априори – в моём случае – оказалось диким враньём. Являясь обладателем вышеописанных выдающихся природных данных – себя ощущал: с метр ростом, с тлеющими мышцами, что неспособны поднять легчайших весов и свисают с хрупких костей; что лицо – одутловато-женское, а ладони узкие лапки неврастеника и постоянно в поту.

Некстати – нелепым утешением, а или подбадриванием – умозаключение: вооружённый до зубов солдат ощущает себя

полностью беззащитным на поле боя, хотя это вроде не так – он ведь лично вооружён.

Подсознание не пошло на уловку растраты ресурса: наспех сколоченные рассудочные размышления отвлекли всего лишь на несколько секунд от прущего вперёд крейсером сознания.

Подсознание скороговоркой прокричало, будто декламируя стихи:

– Необратимость, мой дорогой! Прочувствуй это слово! И какое ужаснейшее событие оно знаменует! Идти в бездну – необратимость! Совершать эту тупую глупость, чувствуя, как внутри противится этому (не один ты, но многие Мы), думать, что цель оправдывает этот болезненный поход – необратимость! Тяжело было выйти из безопасного?! Да! А и будет ещё тяжелее обращаться к тем, кому всё равно! Тяжело будет тратить их время на себя! На такое жалкое и... при этом – не предлагая ничего взамен! Стыдно?! Тяжело будет понимать: неравноценный бартер не принесёт должного результата! Вернись! Оставь! Отставь эту необратимость!

Сознание покойно фиксировало мне, ободряя, чтобы мне же потом послушно записать под датой:

«Этот смелый закрыл глаза. Он ощутил, как шуршали одежды его. Как острый в камнях асфальт пружинил под подошвами обуви. У разбитых, оголённых тонкой редкой сеткой, бордюрных камней – гниёт тушка голубя. В голове у него фраза: «Опять утро». Этим утром пахло мёртвыми пти-

цами, а бордюры, словно расколотые клыки – фрагментарно осыпались».

Фиксировал сам, чтобы через мгновение забыть:

«Панический ужас скатывающегося вниз существа-труса с высокой искусственной горы. Невозможность остановиться, восстановить дыхание. Дыхания вообще – нет. Лёгкие не могут наполниться воздухом, там внутри – только горячее пламя и твёрдый каучук. В голове гремела сирена катастрофы, укрывающая собой зримое, притупляющая: взор пьян, туманен, тактильные ощущения на нуле, прочие звуки поглотило. И вы ниже и ниже, ускоряясь и далее невозможно остановиться. Только запоздалое желание вернуться назад, отменить последнее действие, сделать вид, что ничего не было, лишь блекло промаячило неисполненным действием в несуществующем неосуществлённом будущем. Можно повернуть назад? Это легко и всё будет позади, не случится ненужного, нежеланного. Да только это теперь необратимо. Не остановиться никак».

Потому что хватило наконец решимости обмануть себя, внушить монополией – идти до конца вперёд, туда, где должны были помочь – ибо выхода нет другого, кроме как окончательно сойти с ума или обозначить вектор (художественный, каллиграфический, верный) избавления и следовать ему.

Граница невозврата отодвигалась вперёд: столько шагов, сколько шагов навстречу делал ты. Догоняем (не ты – Мы).

Вы смотрите из моей головы в прошлое. А прошлое, как известно вам – безбожно нам врёт.

Терриконы, искусственные нагромождения, не такие величественные издали, у своих подножий казались неестественно высокими. Пологие склоны в растаявшей каше, с оголёнными рябыми участками красно-коричневой породы.

Рваные жидкие облака тащило сильным порывистым ветром. Они, ярко молочные, неслись быстро, волоком, под грубо-тяжёлым тёмно-хмурым небом. Вечерело, холодало и хотелось обратно в тепло.

Цепочки наших с Большим братом следов по рыхлому в саже насту тянулись от затерянной вдали кособокой остановки и короткого моста. За мостом индустриально торчали чёрные сооружения-лифты шахт.

Мы брели с Большим братом по сугробам, ломая сухую высокую траву, прямо к ложбине между двумя терриконами, гигантской букве «М». В ложбине – утоптанная тропа, чтобы подняться наверх до середины, а оттуда уже, по склону каждого из терриконов взобраться на вершины.

Снизу казалось, что подниматься придётся долго и тяжело, но на округлую вершину мы взошли очень быстро, в один заход. Открылся панорамный вид на низкие пятиэтажные дома – жёлтый кирпич, радиовышку – структурированную

ферму, хозяйственные постройки – землянки, лабиринт гаражей, пустынную дорогу от домов в сторону шахт, полосу железнодорожных путей также – в сторону шахт. Детали макета. Будто далеко, но и рядом совсем.

Ветер наверху злее, порывы сильнее, казалось, нас с Большим братом швырнёт вниз. Представлял, как падаем по пологому склону, не в силах остановиться и колени от таких мыслей подкашивались.

Большой брат сел, достал папиросу и прикурил. Затем протянул пачку. На мой отрицательный жест спрятал обратно в карман.

Уселся рядом с ним, чтобы не подумал, что струсил, хотя на самом деле струсил – дым мать учует. Впрочем, сидеть так рядом не стоило – всё равно одежда пропитается запахом. Большой брат задумчиво смотрел вдаль, изображая из себя что-то взрослое, делал глубокие затяжки – знакомое привычное дело. Не то, что тебе. Верх его пальто растёгнут, оттуда торчал, извиваясь, красный галстук, декоративные погоны на больших пуговицах топорщились, шапка сползла на затылок.

Мне завидно: у меня ещё не было галстука, хотелось такое же пальто, так же вот сидеть и по-мужски курить и смотреть вдаль. Не обращать внимания на колкий дурацкий ветер, затёкшие ноги и мысли о неоправданном ожидании от «путешествия». Всё должно было быть гораздо помпезнее и возвышенней.

– Домой поедем? Не успеем дотемна то.

– На рештаке поедем, не бузи, – отмахнулся Большой брат, кинув окурок в незримое вниз.

– Холодно...

– А чё дома делать? Батя вчера насоображал, мать стирает опять, небось, или пол моет, поедом мне мозг выносит... Бухает он, а прилетает мне. Дура.

Это звучало как-то кощунственно и неправильно. Хотелось возразить, сказать нечто, уточнить, спросить, как это так можно о родителях такое говорить, но сила авторитета не давала мне раскрыть рта. Лишь молча полувосхищаться, полунегодовать от неоправданной смелости к таким крамольным речам.

Ещё хотелось вставить реплику (очень переполняло) про то, что «мой папа вчера фотоаппарат купил». Но опять же: сила авторитета давила и незримо давала понять, что моя реплика это что-то неуместное, к тому же – явно выдающее «шкурную» причину смыться побыстрее домой.

Продолжил хитрить:

– Во дворе посидим, может кто гуляет, футбол погоняем.

– Да не... Пошли на второй залезем.

Мы поднялись на соседнюю вершину: такую же плешивую, с массой утрамбованных следов. Единственное отличие – на этой вершине лежал большой валун, исписанный краской, испещрённый именами, датами, оскорблениями и сердечками.

Большой брат снова закурил, усевшись на исписанный валун:

– Батя говорит, что тут провалиться можно. Порода горит внутри – провалишься и сгоришь.

И правда, на этом втором терриконе, были видны сбоку, словно оспины, рябые провалы.

Большой брат швырнул недокуренное в сторону щелчком, неестественно весело сказал:

– Чё, скатимся?

По склону террикона, в стороне, куда улетел окурок – в породе – естественный желоб, будто русло реки. Было видно, что тут уже, как с гигантской горки, скатывались неоднократно.

– А если куртка порвётся?

– Зассал? Щегол. Сюда зыпай, как делается...

Брат встал с валуна, застегнулся, сел в желоб, лихо откинулся на спину и стремительно полетел вниз, словно маленький ребёнок.

Чтобы не отставать и не успеть испугаться – сел вслед и, также – полетел вниз по ледяному. Меня несло быстрее, ужасно плохо становилось от осознания сделанной громадной непоправимой ошибки. Завопило звериным тупое желание остановиться, вернуться назад и передумать.

Поздно вернуться, но не поздно остановиться же!

Мои подошвы, пытаясь затормозить бешеное скатывание, ударили по поверхности. Меня перебросило через голову:

теперь это стало не полётом-скольжением на бешеной скорости вниз, теперь это стало безостановочным сальто через голову на бешеной скорости с вращением вокруг своей оси, дальнейшим вылетом из более-менее безопасной траектории желоба и последующими ударами спиной о мёрзлую породу крутого склона террикона.

Вплоть до самого приземления – ужас мой ещё больший уверял: конец! Смерть! Перелом! Треснет шея, или напорюсь на камень острый, или провалюсь в одну из «оспин» и сгорю внутри. Мотало до тошноты с каждым кувырком. Небо торчало то внизу, то вверху, то где-то сбоку. Подножие мелькало нестерпимо далеко, и то – когда удавалось подметить его в карусели падения.

Наконец.

Тело ударилось о мягкую соломенную сухую подушку камыша. Встав, сбил налипший толстыми бусами по куртке снег, поискал, но не нашёл варежек, поправил, врезавшуюся шнурком в подбородок, шапку. В ботинках – снег, штаны – истёрты и также – в налипшем снеге.

Большой брат, примирительно улыбнулся и махнул – пошли; показав в сторону.

К нам бежали чёрными пятнами, высоко подпрыгивая, проваливаясь – бродячие псы. Дюжина облезлых разношёрстных дворняг бежала молча, целенаправленно. Похолодело внутри, упало вниз, инстинктивно напряжинились спазмом мышцы – нестись прочь. Но обомлел ступором, в

горле – провал. Большой брат врезал по голове, отлетела набок шапка:

– Чё встал, пошли. Не бойсь – не укусят. Только не беги и всё. Спокойно иди себе.

Поправил шапку, медленно пошёл, отвернувшись, потеряв из виду стаю, будто и нет проблемы. Большой брат побрёл следом.

Трусливо оборачивался всё чаще.

Собаки бежали быстрее, дистанция уменьшалась. Услышал куцый коверканный ветром лай. Ускорил шаг, утопая в рыхлом, спеша к остановке, одиноко торчащей, у дороги.

Собаки ближе и ближе.

Одна уже рядом, Большой брат поднял камень нарочито, глядя на неё с бешенством.

Прочие – теперь тоже рядом.

Они окружили нас, они озлобленно рычали громким и угрожающим, оббегая, напрыгивая, кусая в воздухе. Перехватило дыхание, заныло в кишках.

Большой брат кинул камень в одну, резким замахом пнул другую, взял с земли корявую ветку, размашисто стал наносить удары по собакам, что разом вдруг напрыгнули на него, цепляя кривыми большими зубами, разрывая ткань его пальто, мешая аляповато тёмно-красным.

...ибо воскрешаете его вы – безбожные лгуны.

Ставит ли фраза: «Такие как мы» – выше прочих (даже если фраза звучит: «Такие как мы – это слабохарактерные личности без стержня – мы лишние»)?

Ответ знатоков: «Да, но что в этом такого?».

Подсознание умолкло, отвлекаемое, припорошенное, раздумчивое прошлым и сопутствующей этим виной. У меня снова чувство необъяснимой решительности, которое появилось утром «Первого сегодня», которое подвигло утром «Первого сегодня» собраться и без раздумий выйти и просто идти к моей точке назначения «b».

Цель утром, впервые за долгое время застоя и апатии (тысячи лет), проявилась истинным сиянием. Алгоритм движения к цели – линеен и лёгок в исполнении. В «Первом сегодня» ненужное отступило; полновесное знание, что «так надо (идти) и так будет (придётся)» полноправно мной завладело и управляло отныне – на подходе к диспансеру.

Сугробы в рытвинах мокрой грязи таяли, застывая в волнообразных формах на иссохшем под ним газоне. Галдело вороньё на сухих средневековых деревьях. Большие ржавые ворота фронтального въезда диспансера открыты нараспашку. Будка охранника как брошенный ребёнок. Подъездная дорога до приёмного покоя: вся в трещинах, бровках, ледяных наростах. Выступающий тамбур с охраной из барельефа,

скульптур известняковых львов с выпученными базедовыми глазами. Открыл с трудом (грандиозным, вес её под тонну) входную дверь. Миновал оббитый спотыкающимися порог.

Внутри главного корпуса, у приёмного покоя – слепленные в однородную массу люди.

Много людей.

Пахло прелыми одеждами, сутолокой. Слышался гомон, переговоры, перекрикивания фоном шумной звуковой дорожки массовок кино. У полукруга кассы теснились. У кабинетов принимающих врачей – теснились. На банкетках, на широких подоконниках, у пожухлых цветов в дешёвых кашпо – теснились.

Много людей.

Слишком много людей.

Назад!

Множество людей часто образуют неуправляемую толпу.

Пути назад нет!

Множество людей иногда образуют управляемую очередь.

Домой! Обратно!

Множество людей, так или иначе, мешают друг другу *внутри*.

Вперёд.

У открытого кабинета, в котором врач склонился над коричневым, с блеском отсвета столом теснилась разношерстная в мрачных одеждах Толпа. Она топтала истёртый в гвоздях и сабельных полосах линолеум. Тёрла толстую много-

слойную масляную краску на стенах, колупала её.

Жирных, тусклых бежевым стенах.

Вперёд.

Толпа смотрела в потолок, побеленный наспех, вдыхала шумно. Пересчитывала пыльные лаконичные плафоны. Перечитывала информационные плакаты коровьими взорами. Спрашивала возбуждённо: «Кто последний?». Утверждала нагло, что тут занимали. Говорила, всем и каждому, что им, каждому – только вынать и – только расписаться. Утверждала, что будет одна за другим и будет блюсти эту очередность, но...

Из кассы кричали: «Вы оплатили?». В кассу кричали: «Вы сдачу дадите?». И ругались, потно дыша, отравляя воздух гнильём ртов, смоченными прелыми в сырости некрасивыми одеждами бесформенными на рыхлых жадных зависимых телах.

Вперёд.

Врачи проходили мимо молча, скорей, как на вызовы, осунувшиеся флегматичные. Мимо проходили медсёстры и санитары в исстиранных халатах, встревоженные и меланхолические. Уборщицы проходили мимо, обвинительно холе-рично готовые к окрикам. Ипохондричные реципиенты-пациенты. И ни одного сангвиника. Так ведь совершенно нельзя устраивать собственную вселенную.

Несло хлоркой.

Тахикардией заходилась корень языка.

Панорамы занавешены некрасивым, естественным – решётки от подоконников и к верхним откосам. В коридоре – пологий длинный спуск для каталок. И на спуске этом – теснились.

Дальше вперёд. Быстрым – вперёд. Со страхом, с вымирающим желанием вырваться, ослеплённый и загнанный, не смеявший подумать оглянуться лишь и идти обратно тем же путём, что и пришёл.

Но чем дальше – тем меньше было людей. Больше специализированных кабинетов. Функциональных. И стало спокойнее. И утвердилось вероятие, что в конце меня ждал особенный пустой, до которого никто не успел добраться, до которого нет никому дела.

Что там собирались излечить.

Там же:

Докопаться до истины.

Выписать лекарства.

Провести терапию.

Назначить покой.

Исповедать.

Освобождённого, осужденного самой природой, себя – отпустить.

Так что.

Дело решённое: надо было продолжать бежать.

Дальше по коридору.

Несколько кабинетов один за другим через одинаковые

расстояния. Перед первым скамейка – на ней закованный в жёваную шлейку мужчина лет сорока. Он уселся престарелой маме на колени детёнышем. Мать гладила его по спине машинально, успокаивая. На меня – задумчивый парень у обналичника. На меня – дородная в цветных одеждах старуха. Поодаль маяющийся подросток. В их глазах обозначалась претензия и вопрос: «На приём? К нам в очередь? К нам, в стаю?».

У стены (переливчатой лоском нормали) стоял маленький, с метр ростом старик. Его лицо – порченный в морщинах фрукт. Неправильные пропорции. Весьма неправильные. Он уставился настороженно, будто ожидая войны.

Встать бы у стены, да привалиться затылком к ней замораживающе замораживающей. Задумчиво прищуриться и постоять так, ощущая – как пусто становится, как спокойно становится и тихо.

Но останавливаться было нельзя. Нельзя, теперь, после этих взглядов.

Дальше по коридору!

Пока паническая атака не заставила дёргать ручки любых дверей без разбора.

Кабинет – заперт.

Кабинет – закрыт.

Уборная – заперта.

Уборщицкая каморка метр на метр – в ней одинокая швабра.

Далее – кабинет – закрыт.

Следующий – кабинет – опечатан.

Большой зал – открыт, но абсолютно пуст.

Прошли посмеивающиеся, хохочущие студенты.

Нельзя останавливаться.

Лестничная клетка, под прогоном-балкой – скучающая дежурная медсестра с раскрытым перед ней журналом.

Кабинеты последние. Административные.

Движение болтающихся ручек вниз. Закрыт был один, второй, предпоследний. В коридоре пусто. Совсем темно. Это плохо, это очень плохо... Выбора не осталось совсем.

Последний кабинет.

Движение болтающейся ручки вниз и – дверь открылась.

Старина? Как ты? До сих пор ошиваешься калекой в прошлом?

Дверь открылась со странным вздохом сквозняка.

– Старина? Ты как-то неестественно поверхностно обледел, – папа навёл на меня объектив фотоаппарата и щёлкнул затвором.

– Ты почему такой мокрый? Совсем что ли? – мама встряхнула меня, посыпалось на пол каплями, – иди, мойся, переодевайся и есть садись! Где шлялся опять? Куртку порвал...

Папа подмигнул и сбежал в комнату.

Позже, сидя на кухне – водил вилкой в тарелке. Жуткая усталость и апатия навалились, тянуло спать. Пошёл в спальню, чтобы не уснуть за столом. В гостиной увидел: папа поставил фотоаппарат на штатив, быстро отбежал, поцеловал, глядя на объектив, маму, что сидела за высоким трельяжем и красилась.

Ослепила вспышка.

Надпись прямоугольным трафаретом казённой краской по зелёной табличке: «Отдел кадров».

Дверь открылась. Очень горячо стало. Горячо и душно. Это мешало говорить. В горле сухо и мысли не могли чётко сформироваться. Мне послышался голос женщины из-за деревянной стойки, вмурованной в стену, выступающей неким оборонительным препятствием для незваных посетителей:

– Документы принесли? Давайте сюда.

Женщина лет пятидесяти, в синем костюме, с пышными волосами вынырнула из-за стойки, протянула короткую руку. Она нетерпеливо выхватила папку, открыла её и принялась вынимать содержимые в ней документы.

– Вы откуда к нам? По трудовой бирже или объявлению?

– Да, – ответил хрипло, с каким-то противным для себя придыханием.

Обстановка вокруг, слышимый шум непрекращающихся переговоров из глубины кадрового кабинета (там, за спиной женщины в синем, перегородками-стенками – было ещё помещение) не представляли возможности сосредоточиться, дать себе указания о должной моменту линии поведения и характере себя как героя ситуации.

– Так-так, – из папки вытащили тетради и отдали мне.

Взял их и положил себе во внутренний карман, запахи-

ясь.

– Снимайте-снимайте, пока... Жарко у нас. Присаживайтесь, проходите. Сейчас быстро оформлю.

Женщина открыла часть верхней поверхности стойки, словно шлагбаум, впуская. Уселся на чёрный убогий стул казённый и принялся ждать разрешения возникшего акта.

В глубине кабинета говор стих до громкой тишины. Женщина села на своё место, искала в секретере среди бланков – нужный. Нашла, принялась его заполнять. Бюрократический скрежет врезался в память: звук шариковой ручки по бланку, еле уловимая возня за перегородкой.

Всё для *них* шло будто по плану. Администрация работала системно, как нормально функционирующий организм, невзирая на случайную перемену-паразита в виде возникшего ошибкой меня.

Прикрыл глаза, охватила негоподобная дремота: ведь сделано, чёрт возьми! Ведь организмом был пройден этап этот, хорошее достижение свершилось. Большой и важный, серьёзный труд, большое и важное серьёзное путешествие от «а» до «б» завершено, пусть и не так, как представлялось: мой статус «пациент» негаданно сменился статусом: «работник диспансера».

Но так (провидение!), было лучше! Так ведь легче (будет) добиться нужного. В стане чужих стать своим.

Глаза наливались тяжёлым. Приятная слабость с усталостью давила на плечи, на седьмой шейный позвонок. Подсо-

знание закрылось, бросилось вниз, в нугу мимолётного успокоения, отставило в сторону реальность, отмахнулось от неё надоедливо, оградило бессловесной музыкой сопровождения антиреализма.

Оно проиграло.

Звонко рассмеялся внутри младенческим.

Пусть только эта женщина пишет и пишет, не останавливаясь, продолжает писать. За это время можно прилично отдохнуть...

Глаза открылись на непродолжительный миг: во сне дёрнуло, дух захватило от неминуемого воображаемого падения. Веки обрели лёгкость, в желудке ёкнуло.

Монохромный туман.

Передо мной – обветшалая деревянная стойка. Пустой, с рваным дерматиновым покрытием чёрный убогий стул. За мусоренный пол в крошечке стекла. Стены с ободранной штукатуркой, с облезлым плакатом. С потолка – хлопья извести на нитях паутины. Окно выбито, деревянные рамы заскорузлые, с останками из битого бетонного широкого подоконника. В проёме двери, в пыльном грязном коридоре – фантастический силуэт школьника в униформе лет десяти, что удивлённо застыл, не шевелясь.

Туман рассеялся.

Веки открылись от участливого и насмешливого комментария женщины в синем:

– Эй, уснул что ли? Говорю, сутки через сутки. Завтра

приходи. С утра смена до вечера, потом на дежурство ночное, хорошо? Пока можешь ознакомиться, походить. Вот тут подпиши. Зарплату задерживали, но теперь с новым главврачом вроде как лучше стало финансирование. Даже ремонт будут делать. Утром напишу, сходишь к Татьяне, получишь у неё что надо. Понял?

– Да, спасибо. А мне как, одному дежурить?

– Нет, ты что, одному... С санитаром, с кем по графику выпадешь. Чай будешь? Обед как вроде, – женщина обернулась на висящие за ней круглые часы.

– Нет, спасибо.

– Ну, до завтра. Завтра здесь в девять как штык.

Быль на то и быль, чтобы использовать внутри себя такие слова, как: «было», «был», «стало», «стал».

Психоневрологический диспансер – это два больших корпуса и здание склада, совмещённое с гаражом на огромной огороженной территории. Корпуса двухэтажные, Н-образной формы.

Главный корпус, в котором – администрация, кабинеты принимающих врачей, касса, аптека, приёмный покой, лекционные залы. И крыльями в стороны – стационарные отделения. Отделения для буйных больных и тихих больных, принудительных больных и добровольных больных.

Второй – хозяйственный корпус, в котором – заведующие складским балансом, актовый зал, кухни, прачечные.

Независимо от назначения, в каждом корпусе окна первого, а местами и второго этажа (без ручек на форточках) – закрыты решётками-ставнями, на которых навешаны изнутри замочки, чтобы при пожаре можно их было отпереть.

В здании главного корпуса на втором этаже собирались делать ремонт. Часть крыши и перекрытий износились, всех больных перевели на первый этаж, распределив их по отделениям внутривидовой мешаниной.

Между корпусами, ближе к чёрным выходам, – прогулочные дворики. Они обнесены высокими кирпичными стена-

ми, побеленными и обтёсанными. Внутри двориков в центре обязательным атрибутом – толстое дерево (тополя и липы), а по периметру – низкие скупые скамейки без спинок и разбитые квадратами плиток дорожки. Вход в эти дворики: го- тическая калитка из толстых прутьев с шипами.

Здание гаража низкое, на искусственном пригорке (чтобы не топило). Ворота цвета хаки.

Огромная территория диспансера на две трети заросла сорняком, оградилась уродливым массивным забором из железобетонных панелей, в котором было несколько пробитых проходов (для удобства перемещений жителей окружающих домов). От проходов вели тонкие полосы тропинок утоптанной глины к закрытым «островкам» между деревьями и кустарниками, в которых лежали груды мусора: бутылки, бычки, пакеты, упаковки, банки, зола. На территории проходила толстыми трубами теплотрасса, осыпающаяся и ржавая. На территории гуляли бродячие собаки, группы подростков, проходили бегло прохожие, бомжи искали тару и спрашивали мелочь или «допить-докурить».

На территории диспансера пахло сырым тряпьём и пустынным настоящим.

*...вон, например, Соран Эфесский дико рекомендует лече-
ние препаратами лития.*

– Можно сегодня?

Женщина-кадровик в синем, оторвавшись от кружки с ча-
ем вскинулась непонимающе:

– Чего?

– Выйти на дежурство.

– Нет, сегодня нельзя. Завтра утром приходи, – нежно
проговорила и тут же гаркнула в сторону, – Таня! В магазин
сходи, когда сказала!

Домой не хотелось. Это ведь самое трудное в путешествии
– возвращаться назад. Для маскировки от самого себя можно
было бы пойти другим маршрутом. Но суть не в этом. Суть в
том, что утром «Первого завтра», существовала высокая ве-
роятность не покинуть своё убежище так, как это удалось се-
годня. Многолетняя нерешительность вновь кандалами ску-
ёт самообманывающее и самообманывающееся сознание. И
эта решительность, сошедшая божественным откровением и
зовом в «Первом сегодня», этот миг просветления – насмар-
ку. Будто был один шанс, и завтра он будет бездарно недо-
стижим.

«Первого сегодня» хватило сил, ухищрений, сообрази-
тельности вырваться и убежать. В «Первом завтра» – вряд

ли. Сумрачное утро «Первого завтра» так просто осуществить героический побег-прорыв не даст. Оно укроет одеялом, оно прижмёт к плоскости кровати, оно покажет гадость внешнего мира в зажатый тюлем проём окна, оно будет настаивать никуда не идти, а также – бояться прочего, бояться прочих всех, бояться покинуть безопасное и зачать круговорот хаоса энтропии своим побегом там – в большом и бескрайнем, под гадливо открытым сводом.

Западня.

(патетично, высокопарно, с чувством) «Как часто вы путали до невозможности, до упрямого отрицания твёрдую реальность с пластичным обманчивым миром снов? Как часто возделели вы их дремотное наваждение, обращённые во влажный пепел воспоминания и явные эмоциональные галлюцинации до оргазменного забвения?».

Как часто в произведениях вы слышите этот побитый философский опус? Осмотритесь в прошлом.

– Старина, просыпайся. Просыпайся, старина, – папа разбудил весенним утром. В хорошем, но знобливом, если вылезти из-под тёплого пышного одеяла.

Папа в праздничном. Он выглядел гладко, молодо, причёсано и культурно, пах сочно вызываяще одеколоном.

– Восьмое марта, микромужик, пошли за цветами. Пока с утра все букеты не смели. И пока маман спит.

Мы шли по сонному городу. Тёплое розовое с востока вдоль линии горизонта. Под ногами хрустел лёд замёрзших луж. Улицы ещё пусты. Цветочные павильоны только-только открывали свои двери. Девушки-флористы зазывали нас войти. Мы купили большой букет тюльпанов, они пахли шикарно, до щекотки. В дополнение папа прикупил плюшевого медведя почти с меня ростом – метр с лишним. Мне непременно хотелось тащить этого медведя самому, устроил дет-

скую истерику, но папа предложил компромисс: усадил меня на плечи, а уже на моих плечах – валяющийся в разные стороны (оттого смешно было) медведь. Так мы пришли домой. Папа поддакивал моему ликованию относительно того, что: вот мама то удивится, а? Правда? Проснётся, а тут мы с таким подарком?

Мама и вправду – была очень рада. Она по-настоящему улыбалась, папа улыбался, мы улыбались вместе. Мы готовили на кухне, мы танцевали под музыку. Катушки бобин вращались гипнотически, плёнка отражала радугу, выскальзывая из-под бархатных роликов. Мы танцевали и танцевали. Цветы в вазе – наполняли ароматом комнаты. Вечером к нам пришли гости. Много гостей – они выпивали и танцующих стало больше. Демонстрировал им как умею стоять на голове, носиться сверхзвуком, но меня не замечали должным образом. Тогда пришлось встать на диван, прыгать выше и выше, вздевать руки вверх, хлопать в ладоши. Наконец, гости наградили вниманием. Видел своё отражение на экране большого телевизора. Волосы взлохмачены.

В гостиной стало громче и стало сумрачней на улице.

Гости пили из больших фужеров, ели, смеялись, рассказывали друг другу неясно неразличимо за общим гомоном.

Ярко озаряла всё вспышка фотоаппарата.

Гости, большие и взрослые становились гримасничали, брали меня на плечи, вздевали бокалы вверх, отшучивая на шурящего один глаз папу, который фотографировал их, щёл-

кая затвором.

Среди череды вспышек мною было замечено, что один из гостей – высокий рябой лицом человек – смотрел на маму пристально, вызывая её взглядом. Мама не замечала его, но среди веселья на неё вдруг кто-то пролил вино. Мама встрепенулась, ощутил её настоящую эмоцию гнева (её кроме меня не замечал никто никогда), которая резко сменилась благожелательной сдержанностью – которую уже видят все. Она продолжала оттирать пятно, салфеткой подол платья, резко подняла глаза, осматриваясь – не пялится ли кто дольше, чем нужно. И вот тут-то она заметила взгляд рябого человека и, вижу такое впервые – стыдливо покраснела.

Гости разошлись глубокой ночью. Царил послепраздничный бардак. Среди конфетти на полу, в люминесцентной темноте, мама с папой медленно вальсировали, обнявшись под тянущую ласковую музыку на незнакомом мне языке.

На годы в моей памяти сохранился образ приятного: две танцующие фигуры, слившиеся в одну, в уютном театре теней под ласковую-ласковую музыку и тихий усыпляющий голос певца на незнакомом мне языке.

Валеология – от слова «valeo» – «быть здоровым».

Когда? В бесконечном «сегодня-завтра-вчера-сегодня-завтра-и-вчера».

Что ещё?

Сексуализированный сенсуализм на закуску. Вот что ещё.

Путь обратно, от диспансера, не занял много времени. В аффекте свершённого оказывается – это было легко и пьяно.

Дверь-дверь-дверь очередная.

В коридоре пахло чем-то чуждым. Квартира больше не внушала доверия. Преподавательница валеологии – угловатая, нескладная, с длинными конечностями в облегающем фиолетовом свитере на голое готовила еду.

Овальное зеркало в санузле – сначала привлекательный, молодой парень, а потом – взъерошенный старый мужик со свалывшейся бородой и уродливой рябью на лице. Приблизившись нос к носу – можно было разглядеть и чёрные точки, забившие поры, и глубокие носогубные складки, и набрякшие застоявшиеся мешки, и даже – зонтообразный фрактальный рисунок вокруг широких зрачков.

– Где ты был?

– На работу устроился.

Преподавательница изумлена. Она скользнула на свои тончайшие часики на запястье, поправила ровно острижен-

ную чёлку и села на диван, подогнув одну ногу под себя, оголив гладкое колено. Она постучала ладонью рядом с собой, пригласив сесть рядом.

– Работу?

Мне хотелось поделиться с ней обо всём: о моей внезапной необъяснимой смелости после пробуждения с предрасветной зари; о своём плане стать официальным психом; о том, как этот план немного провалился из-за крошечных толп людей, которые мешали пройти в действительно нужные мне кабинеты. И как потом получилось лучшее то, что получилось. Хотелось поведать отступлениями, как порой виделись совершенно чуждые состаренные текстуры мира на текстурах мира реального. Как рекрутировала в синем женщина под аккомпанемент молчаливого моего непротивления. Как наплыли разные воспоминания из очень далёкого времени. Ведь она, преподавательница, была выбрана неслучайно и она догадывалась об этом. Но учитывая, что такого ей хватает и вовне (и в – себе), делиться не хотелось. Ведь – сапожники не шили и не шьют себе сапог.

Хотя, говорят, это ошибочное утверждение.

Но спорить с самим собой и ведать притчи под это не хотелось – устал.

– Пришёл, увидел, победил. Оклад – баснословный космический. За границу поедом, ремонт сделаем, телевизор купим. Новый. Никакой выигрыш в лотерею нам не нужен.

Поцеловал её, она усмехнулась, снова скользнула на часы

и, торопясь, принялась собираться.

Так и не привык к ней. Не реализовал её функцию ни в полной ни в полумере. А после возвращения с диспансерных территорий, сейчас, (будто с поля боя, пусть и волокло по этому полю безучастно), и она укоренилась – чуждым мне элементом всего окружения.

А ещё вдруг мне стало понятно – в «Первом завтра», в восемь утра, пробуждение будет решительным и беспрепятственным. Повторный поход до диспансера – осуществится без эксцессов. Возложенная на меня роль участника событий – будет сыграна на чувственное «браво». Потому что победа сегодня изменила меня. Усталость обветрила и притупила выступающие изломы навязчивых вскриков психозов-фаз.

Это позднее прошлое время. Некое 31 декабря такого года:

– Слышь, мужик, тебе его сейчас в зад затолкаю, фотоаппарат твой. Не нужен он мне.

– Два червонца, – папа оттопырил два пальца и сунул прохожему их прямо под нос.

– Иди домой.

– С радостью бы, да мне же сыну надо праздник устроить, – папа раззявисто и рьяно показал на меня, шатаясь, размахивая фотоаппаратом в коричневом футляре с длинной лямкой.

Зима выдалась тёплой. Оттого сырой и влажной. Хотелось домой, но домой без «пузыря» возвращаться папа не собирался, а его одного оставлять было нельзя – милиционеры трезветь заберут. Прохожий покосился недовольно. У него пакет, в котором – мандарины, бутылка шампанского, тонкая мишура.

– На, – прохожий сунул папе фиолетовую мятую купюру, взял фотоаппарат и ушёл, воспользовавшись папиным замешательством.

– Живём, старина! – папа потянул, оживившись, превратившись в самого счастливого на свете.

Мы подошли к таксистам. Там бумажка сменилась на бу-

тылку и мне (передалось) легко и весело: будто праздник нового года спасён. Теперь (не знаю, как увязал) под осыпавшейся ёлкой, что украшена, будет традиционный подарок от Деда Мороза. Будет играть музыка, придут гости, потом разойдутся, конечно, после курантов. На полу будет лежать кожура от мандаринов и конфетти, мама с папой будут медленно качаться под тихую музыку, а как только усну – меня (с подарком) бережно перенесут с дивана на кровать.

Дома кроме мамы и рябого человека – никого не присутствовало. Они встретили нас вальяжным замечанием, что нас только за смертью посылать. С папой они распечатали бутылку, расселись на кухне, закурили, неприлично громко принялись смеяться и бездикционно плескать глупости.

Под наряженной ёлкой – пусто, но мне казалось, что просто ещё рано. Конечно, да, мне ли уже не знать, что Деда Мороза не существует, но подарок так или иначе должен был уже стоять (видел его в глубине пахнущего нафталином шкафа). Сел под ёлку и сунул в розетку вилку гирлянды. Немигающие цветные огоньки осветили комнату.

Из кухни раздавались сначала игривые, затем, переходящие в агрессивные, окрики.

– Дурак что ли? – с неприятной интонацией тянула мать, цедя сквозь зубы, – а? Сав-сем что ли?

По коридору, пьяно отступая спиной вперёд, защищаясь, заваливался папа. На него шла мать, размахивая кружкой. Кружка ударилась о стену, разлетелась на осколки. Острые

зубы-края фарфоровых остатков.

– Э, ну вы чё, – рябой лыбился, самообманываясь, что всё происходит в шутку. Он вяло пытался оттащить мать от папы, который споткнулся и неуклюже упал на пол, оставшись вне поля моего зрения. Мать обернулась на рябого, полоснув воздух по дуге «розочкой». Тот отшатнулся, боясь порезаться.

Заметил с наваждением ауру эмоций: она, мать, это делала не потому, что ей это надо, а потому что она устраивала для этого рябого театральное представление!

Мать свалилась на отца (вне поля моего зрения) и визгливо ненавистно крикнула, как кислотой плеснула.

Папа, судя по звуку, спихнул её, встал. Он прошёл в сторону ванной. Мне было видно, как он оттер с лица кровь и устоялся на свою ладонь, испачканную в ней. И он, замечая скоп эмоции снова: словно какой-то воин, гордился этой раной: с боя вернулся!

– Нормально ты? – рябой протрезвел.

Папа покорно мимолётно кивнул, раскачиваясь, вышагивая нелепо цаплей, ушёл в ванную.

– Да чё ему будет, борову? – заорала хакалисто откуда-то из коридора мать.

Рябой торопливо надел шубу и вышел из квартиры. Будто равнодушно, но (и это тоже мною безотчётно – замечено) испуганно бросив на меня взгляд. Щёлкнул автоматический замок, дверь заперлась, пришибленная сквозняком.

Слышалось, как в ванной слабо полилась вода.

Забрался на диван. Украшенная искусственная ёлка скрыла коридор, ограждая от него. Оглушающее безмолвие. Казалось – опасности из коридора меня не достать за этой преградой. Это ложно, но мне достаточно – успокаивало. Мои глаза закрылись. Укачивающее безмолвие. Слышался только шум воды в ванной, мерное дыхание мамы – так и уснула в коридоре, не вставая. Завоняло перегаром-пойлом вперемешку с кислым запахом еды, табачным дымом и чем-то металлическим. За стенами играла глухим рокотом, еле слышным мягкая музыка, задевая внутреннее, напевая как колыбельную.

Тёмной ночью (лишь огоньки гирлянд) разбудил весёлый песенный гомон в подъезде. Кто-то очень шумно играл на гитаре, ржал и повторял: «А поцеловать, дорогая?!».

Отстранённо шумела вода.

«А поцеловать?!».

Мать полушёпотом выговаривала сквозь сон в коридоре: «Поцелую тебе сейчас по морде».

Плохо, что праздник проходит не так, как надо.

Пересохло в горле. Выйдя в коридор, пройдя мимо едва открытой двери ванной, включил на кухне свет. Набрал из крана, залпом выпил, проливая на себя. Возвращаясь, посмотрел в щель: папа лежал, перегнувшись через борт чугунной ванны. Перед ним, на кафельной в квадратах стене – смазанные красные пятна абстракцией.

Войдя, потрогал его за плечо, отрешённо ощутил: это неправильно.

На дне, у слива эмалированной ванны – большая лужа крови вымывается тонкой струёй воды. Кровь густая и ссохшаяся на папиных коротких волосах, на лице, она пропитала рукав рубашки свекольным оттенком. Лицо папы – искажённое, восковое, пародия на того, гладкого, культурного красавца, с которым мы когда-то утром шли за букетом.

Это неправильно.

Лицо синеватое, темнеющее. Кукла, ненастоящее, подделка из геля, льда, пластилина, манекен.

Проходя по коридору в спальню, обходя осколки – коснулся теперь мамы за плечо. Она сонно привстала, глянула, будто не узнавая, щурясь от света из кухни, махнула: «Иди». С трудом встала, побрела на кухню, пошумела посудой, прошла обратно, остановилась, зашла в ванную и истошно завопила, повторяя:

– Помогите! Помогите! Помогите!

Из глубины нафталиново пахнущих недр шкафа достал упакованный куль подарка и прижал к груди. Подарок выдал неправдоподобное ощущение лёгкого облегчения и напудрил большей неискренностью произошедшее.

Здесь нет мягких стен, здесь битый кафель. Здесь нет весёлых в мании шутов. Здесь убегающие от тюрьмы; убегающие от обязательной службы в армии; слабеющие умом пенсионеры; бездомные; подростки с порезами на бледных бёдрах; здесь потерянные и недоверчивые к себе и всем; неудобные и одержимые в поисках примитивного упрощения больших Смыслов хаоса существований. Здесь потерявшиеся и рассыпавшие в прах нити осмысленного. Здесь поглупевшие, упростившиеся, оскотиневшие даже, выполняющие самый минимум функций живых существ без прерогативы управлять ими, вознестись над ними.

Мало тут интересных прописанных персонажей на самом деле – сплошная прозаика, сплошная обычная в своём – жизнь.

Но восприятие меняется, если понять, что одиозные вселенные – под увеличительным – уникальны.

Изысканность реальности была мокрой пощёчиной пятидесятилетней мадам. Воображаемо. Нарёк эту женщину: «Душа», хоть она представилась именем «Татьяна». Она тут сестра-хозяйка, она тут раздавала сигареты, чай, направляла к завхозу за кое-каким бельём-барахлом, распределяла среди пациентов наряды, давала указания санитарам, отпускала мясные реплики, с подъёмом рассуждала о многом-простом

и наспех провела мне короткий экскурс, обозначая в общих чертах обязанности.

К Душе подошёл небритый пациент в спортивном костюме и хапужно приобнял её:

– Дорогая, чифирни пачулю...

– Ой ле, пачулю тебе... Не треснет у тебя то? – сально отвечала ему Душа.

Скрутил этого наглеца как-то необдуманно, сладострастно. Выкручивая кисть, надавливая в плечо, чтобы поклонился вниз и скулил. Душа удивлённо, но понимающе:

– Граблю ему не сломай.

Небритый пациент ретировался, а Душа продолжила, немного переосмыслив свой тон:

– Ты спиной к ним не вставай, кто его знает, кому там, что в тыкву. Ткнут тебя расчёской в почку и потом будут опять сотрудника нового искать, – хохотнула Душа, – а вообще не распускай без надобности люлей, блаженные они. Ну, кроме урок.

Мне сунули корявый карандашно-графитовый список, отправили к завхозу.

Подвалы хозяйственных складов – с повышенной солёной духотой катакомбы в известке. Как в прибрежных тесных городках.

Вместе со списком мне прогоркло проговорили имя следующей героини (материально-ответственной), наказав взять материальные богатства в точности по пунктам, в точ-

ности по количеству-качеству. Имя смазалось, но символьным штампом нарёк её «Кармановна». Ибо большие карманы по краям крахмального халата (будто, и она здесь – великий Доктор). В карманах – в цыпках лапки с лакированными ногтями и изумрудом кольца. Лицо её – крысopodobное, с полными несимметричного дёрганья глазами, в своём роде – ханжески должностной и стереотипичный «сундучный» штамп. Кармановна приняхивалась ко мне, борясь с самой собой по поводу «выдавать или нет», проверила бланки, выписала себе в журнал, вызвонила «наверх», уточнила, пересчитала, с придыханием противно шепча: «...пятнадцать-шестнадцать...», сургучно отчеканила подпись, потребовала подпись взамен.

– А сами что не покупаете? – ласково спросила про форму.

Выбор моей сценической тактики поведения – молчаливая отстранённость, прожжённость и суровость, подкреплённая квадратом челюсти и высоким ростом.

– Вообще-то у нас сами покупают. В медицинских бутиках есть, знаете, да? – добавила она.

Ошпарил её тяжёлым и сдерживаем бешенством к отупляющей жадности, невозможной бережливости не к месту.

Мне выдали халат, мне выдали всяческое барахло кулем перевязанного мешка. Вниз. Отправился в переход – катакомбы короткие, полсотни метров, тусклое освещение. Наверх – корпус мой. Далее – к тесным коридорам тёмным,

по которым ходили теньями в скорости мои подопечные с осунувшимися рожами, шепчущих друг с другом, прислушивающимися к внезапным окрикам из палат, а или с бессмысленными выражениями, апатичными, индифферентными или резко наоборот – участливыми к происходящему.

Усталые больные обезьяны, по клетке туда-сюда, устраивающие свару из-за ерунды, из-за того, что столкнулись Броуновским. Уклоняющиеся здоровые обезьяны от государственных повинностей скучают, ожидая конца своего короткого срока пребывания (пара недель), осмысленно стреляют сигареты. Проявляющий буйство под уколom привязан к донельзя вонючему матрасу (спальные принадлежности тут все такие – отстирать их невозможно) на металлических кроватях в высоких палатах с убранством постсоветского интерьерного антуража.

Безмолвный и молвный монотонный скот. Бормочущий, рассуждающий, совершающий нелепые действия, ходящий и ходящий, сидящий и лежащий, страдающий, молчащий, кто курящий в прокуренном насквозь пещероподобном сортире.

Перенаселённый скоп. Кто смотрел в окно, кто напрашивался на работы за сигареты или ещё какие-либо ништяки («конфеток», «печеньица»), кто уже работал, получив наряд от Души. Какая-никакая, но всё-таки – Скука. Ровно до момента чьего-либо обострения кратковременного с обязательством связать, привязать, увязать, ограничить, а и последующего медсестринского: уколоть препаратом. По про-

токольному врачебному этикету.

У санитаря, с которым мы напарники и которого окрестил именем-прозвищем: «Экзекуция», девиз был прям и чётко: ускоряй время – а служба себе пройдёт, копейка звонко сунется на развратное потом дело саморазрушения, а и наслаждения.

Перенаселённый. От этого и не так спокойно, как должно быть.

Экзекуция ростом/комплексией чисто ровня мне: квадрат челюсти, ширина плеч, высокий рост. Разве что кулаки у него помноженные в разы – словно молоты с шипами-косяшками, голова с выпуклым лбом и сутулость неандертальца. При этом он служебно сообразителен, отчасти обаятелен, словоохотлив, в деле своём профессионален. От него веяло: «не влезай, не шали, лишнего не говори» – «очи долу, сказал». Экзекуция мастерски вязал, точно и ёмко бил, расталкивал как кегли мешающих в коридоре. Грабастал ладью за спину и оттаскивал, поддевал и швырял от себя. Лопатой-ладонью сбивал ударной волной до сотрясения.

Мы сидели с ним за мерзотно-бликующим столом. Прозрачность на этом коричнево-отвратном столе облуплялась, символизируя.

Два лезвия, соединённых оголённым проводом с торчащей на конце вилкой – кипятили в гранёных стаканах воду. Пакеты чая окрашивали кипящую воду в терпкое, причудливым дымом внутри. Дешёвые конфетки, дешёвые печеньица.

Мы выпили и познакомились.

Экзекуция был рад. Понимал причину его симпатии авансом: мы ведь уловимо похожи, к тому же избранная мной ветвь поведения с ним – это мимикрия под его речь, то бишь – мы будто были и внутренне похожи. Это укореняло в нём понятие, что мы одной *стаи*.

На поверхности объяснение всем вам: с ним мне работать, сосуществовать. И неясно – сколько времени. Поиск нужного мне настоящего Доктора, обращение настоящего Доктора к себе, подкуп, откуп и привержение к своим внутренним демонам и получение истинного способа излечения может стать очень долгим процессом.

Экзекуция быстро и верно задал мне паттерны поведения и работы: резкие окрики, как с детьми, как с пьяницами; резкие же осады наглых с тычком дрессировки; чёткие указания условно адекватным. Следование разграничениям: кто за белым билетом; кто от срока пенитенциарного; кто действительно пришел искать помощь; кого привели её искать; кто заблудший в поисках пищи-крова; кого пристроили.

Сколько людей – столько и мнений здесь обитать.

Любое нестандартное молчание, изменение сознания, крик, обострение: вязка. Так вернее, так пресекается. И, как штрих: приставить свитой прислугу за малое вознаграждение (или великое наказание), чтобы убирал, мыл, относил. Здесь дикая инфляция труда. Затрачиваемые кДж/ккал не соотносились полученным оплатам.

Адекватные с этого собирали забавный опыт.

Было бы, конечно, лучше, если бы все эти группировки обитали более раздельно, но таков уж кризисный период жизни страны и диспансера: в тесноте, негабаритности, обиде, толчее, густой жиже неприятия и тоскливом желании перемотать стрелки вперёд.

Авось, как-нибудь, да устаканится, – соврал и себе тоже.

Это прошлое время. 1 января такого года.

– Бабушки, дедушки есть? Есть, кому позвонить?

Милиционер сел возле меня на корточки. От него еле ощутимо веяло алкоголем, в глазах – настороженность и лицо выражало чувство... обиды?

– Был Большой брат.

Мы пошли к соседям в квартиру – у них телефон подключён, у нас – нет. В подъезде суетливая, ошарашенная толпа. С улицы раздавались весёлые крики. Проговорил номер Большого брата. Телефонный аппарат, кремово зелёный, kloko-тал при наборе диском. На том конце не взяли трубку. Милиционер снова посмотрел на меня со странным чувством (обиды? не разобрать), спросил какие-нибудь другие номера, но кроме этого у меня в памяти никакого не имелось. Всплыла картинкой записная папина книжка, в которой его почерком скупые черви всяческих цифр с именами, но сказать об этой книжке почему-то невозможно трудно. Будто горло першило, будто в мозгу речевой центр отключён, будто воздух стал плотным нестерпимо. До обморока со страхом. Милиционер подозвал другого милиционера и указал на телефон. Номер принялся набирать раз за разом теперь он, второй.

Побрёл, шоркая, за первым, вовне этой соседской кварти-

ры, в которой чуждый запах другой семьи. Заметил самих соседей: сгорбленный пополам мужчина в подтяжках и его, со впалыми щеками жена – их разбудили, и от них тянуло волнением лихой беды. Подумал: «Почему они не отмечают новый год, а спят?».

В подъезде с носилками санитары. Заняли ограниченное пространство. На носилках – хлопчатобумажная с расплзшимися пятнами, с ромбом простыня, скрывающая мертвеца. Взглянул на это, сказав себе, что скоро всё исправится и это текущее – какая-то ерунда, которая исчезнет, если сильно захотеть. Лишь бредовое сновидение. Сновидение умеет убедительно обманывать. Так и оставим.

Тесный подъезд с синей краской, белые марки к касаниям поверху полосы извести со стен помазаны на плечах курток милиционеров, санитары сосредоточенные суровые, приподнимающие ручки носилок в местах изгибов мятых перил, высокие, с низа моего ребячьего роста.

Обоняние острое забивало лежалым табаком из банок-пепельниц у форточек.

Вбок мягко толкнула рука первого милиционера – он так оградил от панорамы взрослой ситуации.

Меня спешно одели в несколько слоёв тёплых кофт, спросили, где ключи, документы. Меня охватывал то ступор, то странная активность. Сжимал папку с документами, вертел маленький крестообразный ключ в ладони, касался куля перевязанного мешка с одеждой, собранного наспех. Сидел на

диване униформичный врач. Он поднимал глаза резко, тут же их опускал, писал. Слишком долго и много писал до гипнотического укачивания, расшаркивая шариком ручки по бархату серого.

– Дозвонился?

– Нет, не берёт никто...

– Адрес знаешь брата своего? – это уже мне.

– Знаю.

Щербатые ступени, глазки соседских квартир, скрип половиц, узкий тесный тамбур, тяжёлая пружина в блестящей, слой на слое, краске.

Космическая мгла распахнутого мира, в котором нет ничего спасительного – небо опрокидывает, ветер сбивает, земля уходит в сторону.

На улице громко навзрыд кричала настоящим (в момент) раскаяньем мать.

На улице дымчатый налёт мороза. Заскрипел под ногами твёрдый снег. Всё в светлом, всё в бесцветном, всё в силуэтах-пятнах выпуклых отдалённых, и всё – в раздражающе разговорчивом, остром. Люди не пели. Люди выпрашивали, облакачивались на машины с мигалками, запанибратски приставали и обсуждали. Сочувствующая бездеятельная любопытная скотская толпа.

Его теперь чё, в детдом заберут? А с квартирой что будет, кому достанется, а? Да не заберут никуда, у него сестра же есть, чего распереживались? Как не переживать, как

не переживать, когда такое? Вот до чего «синька» доводит... Это надо же, больная какая тварь. Да он сам напоролся, это не она. У них постоянно гости, до утра не просыпают никогда, вот кто-то из них и небось... Пацана жалко, теперь вырастет не пойми кем. Куда катимся? Вот тебе и новый год! Ну пошли, чего встал? Устроили цирк. Без нас отпоеют. А там стынет. Так. От машины отойдите. Вон она сидит. Орала только что на весь двор. Иди зырь-зырь, да увезли уже что ли? Холодно. Да-а-а, встретили, называется... Ну пошли, чё встал?

– Куда вы его?! Не трогайте! – это мама. Она бросилась ко мне, обняла, прижала крепко, очень любя. Почувствовал терпкий запах слёз, пота, слабых духов, смешанных со спиртовым запахом. Но мне – хорошо. Что-то, что сдерживало внутри – горькое, отравленное – прорвало солёными и горячими по уголкам глаз, замерзая колко на щеках.

Мой плач безостановочный, громкий, как избавление.

Плач мой слабый опустошающий, затихающий, как примирение. Обнял крепко в ответ. С силой, чтобы не разлучали.

Выронил удерживаемое.

Меня отбирают. Маму посадили в одну машину, меня – в другую.

Оглушила со звоном цинично жесть дверцы, убудочно горел жёлтый светильник в салоне, урчал, клокача мотор. Стрелки на панели приборов в движении. Рядом со мной по-

ложили куль с одеждой, папку с документами – с них таяло от налипшего. Неконтролируемые всхлипывания детского толка. Второй милиционер сел за руль, первый сел рядом с ним впереди, мы поехали. Покорно в этом отвергаемом ведомом безропотно.

– ...ты не бойся. Говори как есть, как было, – милиционер участлив, искренне участлив и сочувствующ, но за этим было нечто недосказанное, даже им самим от себя укрытое, он и не понимал. От этого и ответил ему:

– Спал. Не знаю, не видел, как случилось.

Внутри ядовито, кисло. Хотелось лечь ничком. Хотелось сжаться и подвывать, прокусывая, сдавливая себя, жмуря глаза.

Запомните, вы всё ещё в моей голове.

При этом – вы в своей голове гораздо не меньше.

В тот период времени-дежурств в диспансере становилось спокойнее.

Наслышался от Экзекуции наипрекраснейших историй об отъёмах квартир, вовлеченности персонала и структур к прозаическим схемам мошеннических взаимодействий. О «дойке» пациентов. О принудительных лечениях за малую мзду от благожелателей. О покупках и подношениях больным за деньги благожелателей чего угодно (от жвачек, до героина; от контрафакта до оригинала; от игральных карт с голыми бабами до некрасивых и красивых проституток). О всепоглощающих трудотерапиях на дачах и общественных учреждениях по различным позициям по дешёвым ставкам. О распродажах в дикие времена пациентов: приходите бить их за деньги, насиловать за деньги, стравливать их на боях – за деньги. Ощущал себя внедрённым агентом шпионажа.

Но Экзекуция оговаривался: «Это было давно, в войну, в инфляцию, и вообще – неправда, ты это – не распространяйся; сейчас мы цивилизованный народ: за нехорошие дела можно и в зиндане посидеть, спрос найдётся».

Ещё Экзекуция вкусно курил папирисоподобный смрад, рассказывая при этом вкусно же – о женщинах. Курил он на

всё отделение, смачно посылая «на» и «в» редко захаживающих прочих врачей (серьёзно) и часто захаживающую Душу (кокотливо).

Экзекуция навёл ширму чернухи, упуская редкие светлые стороны, которые тут, вне всякого – обязательно были. Ведь излечивался же кто-нибудь. Ведь находил тут кто-то покой и побег от реальной жизни. Пусть полпроцента, пусть меньше...

Но Экзекуция упорно обозначал мне режиссёрскую версию – мрачную, арт-хаусно сухую в арт-хаусно психушечных стенах со своим импрессионистским пессимизмом.

Мы кололи, таскали-оттаскивали, заставляли есть через трубочки, зажимали носы, пресловуто вязали, рычали, гнобили, принимали участие, понимали, говорили по душам, помогали, покупали, подкупались, соучаствовали, заботили, размышляли, ожидали, блюли, распределяли: чистка улиц, мытьё полов, мытьё туалетных очков, носка и переноска грузопоставок, остальная вышенисполненная обязанность по мере возникновения.

Дежурства возымели значительный положительный эффект. Вечная занятость, глубокий сон, обусловленный усталостью, чувство одобрения от преподавательницы, решение тривиальных рабоче-монотонных задач, попивание наикрепкого чая, разговоры и наблюдение за редкими пациентами-персонажами: это была великолепная очистительная медитация своих отклонений.

Даже мысль появилась, что более ничего и не надо. Что лечение уже не нужно и отсюда – к чему мне вообще какой-то там врач. Тем более – ознакомленные врачи по ходу пьесы от этого заведения: ни к чёрту. (убеждённо и упрямо) Некомпетентные проходимцы. Они не подходили. Никакой речи, чтобы обратиться к ним. Нет и нет.

Хотя – знал, что как только привыкну к распорядку: подъём, выдача посылок, мытьё, уборка, отправка в столовую кого-либо из, построение и пересчёт остальных из, завтрак-раздача, свободное время / заботное время, обход, посещения (два раза в неделю до обеда) кому-то из, кого-то из уводят в мастерские, обед-раздача, тихий час / заботный час, посещения (два раза в неделю – после обеда) кому-то из, прогулки по дворику редким из, ужин-раздача, уборка, звонки со стационарного телефона (странное зрелище) редким из, отбой и особо обеспеченным избранным: старый-старый телевизор с чаем вприкуску – то после – сойду с ума снова. И более убеждённо и уверенно клязуть всех проходимцами перестану.

Привыкание к распорядку надвигалось, грозило толерантностью и рецидивом.

Но обозначилась перемена.

Нас с Экзекуцей, после короткого срока работы в отделении обычном, перевели в отделение принудительное. Жёсткое, интересное. Благодаря нашим физическим данным. Кто-то в этом месте понял, наблюдая и верно расстав-

ляя кадры, осознавая общность проблемы (мою, *их* и этих) и ища пути решения.

Как тут не поверить в великую конспирационную силу над всеми нами? В предназначение и предопределение Сообщества заговорщиков. Безусловием теперь стало существование Того-Доктора, который должен был спасти (а он должен был, раз они предоставили такую Перемену; раз они явно опасались рецидива пробуждения моего Подсознания). Превентивно. Может, сам Тот-Доктор присматривал за мной. И лишь натаскивал с расстояния для будущего лечения, апробировал и беседовал. Пусть и вот так – незряче мне. Может, в этом крылась соль акклиматизации и апробации. Доктор действовал умело, всезнающе, просчитано – он знатный нумеролог, логик, интуит, профессионал своего дела.

Принудительное отделение внесло коррективы (у них другое расписание, они в разы ограниченной) и оглушило правдивостью рассуждений от перемен (сразу): профессионал своего дела, Некий Доктор обозначился во всей красе там. Он ждал меня, сидя в своём кабинете. Он кивал, здороваясь, протягивая сухопарую руку, пожимая крепкой ладонью.

Он точно знал обо мне. Он готов был выслушать, спасти, сохранить, избавить и дать путёвку в рецептурную и эскапизменную блажь. Это было видно по пристальным взглядам и сдержанным комментариям вежливых приветствий. Но нужно было немного подождать (безмолвный его такт по-

ведения интуитивно советовал), да и правда: нельзя ведь вот так вываливаться, раскрываясь требухой. Это неправильно и невежливо. От этого невежества – дальнейшее могло пойти не по тем сценариям-протоколам. Надо было выдержать положенные церемониальные (анамнезийные) паузы.

И.

Надо было собрать подношение. Да причём этакое нетривиальное, чтобы обозначить себя уникальным ореолом. Чтобы показать эксклюзивность случая и ограничить ситуацию «себя». Разве он взял бы просто деньги? Взял бы, но также он бы оскорбился, разочаровался во мне.

Думай, – кричал себе.

Чтобы пошло по плану спасение тонущей души.

Чем более близко к пику, тем более сложнее.

Это нагромождение предложений прошлого (1 января такого года) необходимо постольку, поскольку так будет ярче (в осознании) в настоящем. Не путаться!

Меня, добровольно-принудительно, согласно установленным этическим нормам, и немного в связи с пособием, взяла на попечительство тётя – сестра отца. Бывшая жена рябого человека – моего дяди. Мать Большого брата, отец Большого брата, будьте знакомы.

Тётя работала в сфере розничной торговли в маленьком киоске. Таскала то туда, то оттуда товар. Часто уходила в непродолжительные запои (график работы два через два дня способствовал), жаловалась, что в киоске очень кипяще летом и очень обледенело зимой, и что покупатели не дают толком поспать.

Тогда, первого января, ближе уже к десяти часам утра, когда окончательно рассвело, в квартиру тёти влетел рябой дядя. Он не обратил внимания на тётю, что воссияла (пыталась скрыть). Дядя не снял ботинок, махом только стянул с себя громоздкую чёрную шапку, через крохотный коридор в комнату, наклонился ко спящему мне и выпросил, грубо хватая: – Что ты им сказал?!

Меня, оглушённого, поразила его бестактная тупость.

Ограниченность всего одной-единственной трусливой мыслью. Эта мысль схватила его безумным существом, не дала ему снять прилично ботинок, поздороваться, *посочувствовать*. И вот ради него мама устраивала представление?

Так мать в моих глазах упала, утратив личность.

Как можно было ради этой никчёмности устраивать *такое* представление, неужели не было публики посерьёзнее, повесомее, хладнокровнее, сильнее?

Это было большое разочарование.

Вся цепочка рассуждений свершилась полсекунды времени, в которое:

– Что ты им сказал?!

И невдомёк ему было, по его блестящей, выпирающей на первое место плешивой глупости, что у меня вся жизнь перевернулась, что отец теперь мёртв, а мать, скорее всего – посадят в тюрьму, если она расскажет произошедшее так как было по её. А стал уверен – расскажет всё как было по её (без комментариев по чью делалось представление, и кто косвенен): она так же глупа, как и этот рябой (оба ведь – из одной *стаи*).

– Ничего. Сказал, что спал.

Но естественно, он не удовлетворился этим ответом. Он долго и громко выпрашивал, и выпрашивал, тряся, боясь, не чураясь, не пряча никчёмность свою.

Свялят на него высшую меру *эти*! А за что?! Будто была большая и великая Цель... Будто создавал Нечто, а не поз-

волят завершить. Будто ценнейший, а не грязь развода среднестатистического, запускающее тела в дряблое, в больное.

Он ведь был там и присутствовал, мог осознать и предотвратить. А исчез малодушным беглецом, *попустителем* свершённого. Как сейчас – появился, подстёгиваемый тем же. Не участливым сильным успокаивающим, признающим некомпетентность, слабость свою, ошибку неучастия, а испуганной мразью.

Отвратительно.

Нет в нём ничего.

Под моральную пытку и рычание с близкого, с дыханием гнилья распухших дёсен сформировалось моё нынешнее-будущее защитное, отвлекающее, оберегающее от происходящего: формировать и решать задачи по сплетению рассуждений; отвлечённо выкраивать математические действия (в зависимости от контекста).

Например, одно из первых (затем переосмысленное в отрочестве, перечёркнутое), занесённых на под дату:

«...кроме если как быть навозом будущего лучшего в поколениях? В таком разе – его существование имеет смысл, правда? В таком разе – зачем исчезать в ничто преждевременно без объективной причины? Может, ему уготовано пройти эту дорогу только лишь затем, чтобы Избранному передать вовремя судьбоносно какую-нибудь глупую вещь – зубочистку, допустим?

...э, все вы – пособники и молчаливые попустители свер-

шённых плохих вещей, если не пытаетесь как можно более зримые плохие вещи искоренять».

Снова и снова отвечал одно и то же, отстраняясь от рябого гнилья. И он не верил, потому что был настроен на плохое и не смел ему какой-то сопляк портить его представление об ожидаемом. Тварь. Брала досада от деприваций сна и покоя.

Надо было тогда обвинительным актом, засвидетельствовать показания тем, в звёздах. Но ведь Большой брат не простил бы. Да и сам бы апеллировал двояко позже. С трибуны бы сейчас диспутировал (двоеточие). О прощении неявных, о снисхождении глупым, о рассмотрении частного пристально с трудом, а не общего наотмашь как проще. От виновных всех – к одному непосредственному. От шаблонного к детальному. От тотального желания передела с нуля, к планомерному изменению *принимаемого* существующего. Виновен – не виновен.

А сам то что?

Галоперидол, аминазин, амитриптилин, френолон, трифтазин, феназепам, пиразидол, циклодол, пимозид, тиопроперазин... Смешать, но не взбалтывать. Взбалтывать, но не пить. Пить, но не глотать. Глотать, но не впитывать. Впитывать, но не наслаждаться. Наслаждаться, но не испражняться.

Рекламный слоган: «Мы с мистером Экзекуция в отделении принудительных больных каждую смену, оставайтесь на канале!».

Тут нет старого-старого телевизора, доли передачек, свиданий, телефонных стационарных разговоров. Тут вам нейросифилисы; всамделишные (согласно постановлению судов, не абы как) преступники; маньяки (неявные/явные в своём поведении); и вот эти ребята, что быются головой об углы столов и стен; и вроде как сидящие без движения, а потом резко вскакивающие перерезать/прогрызть что-либо; и те, которые исподтишка шлёпнут вас по затылку сзади; и те, кто сутками могут ходить и выкрикивать на повторе бессмысленную ерунду-фразу, ерунду-тираду-шизофазию или, противоположно – застыть изваянием скульптурно с горгульим взглядом, а потом осмысленно рассказывать об устройстве вселенной и особенностях корпускулярно-волнового дуализма. И много кто ещё, кто действительно

представляет угрозу обществу. Здесь – *изолируют* по полной. Лишь с помещением ошибочка. Всё из-за ремонта на втором этаже, где для принудительных по идее – палата экстра-класса.

Перебирая файлы дел, войдя как крон-принц в большую палату, оглядел на соответствие. Встретили угрюмые новообращённые.

Знакомство с прайдом началось: «Обезображенный».

Обезображенный, лежа на кровати, мотал себя за пенис, будто переключая передачи на автомобиле и приговаривал: «Первая скорость, вторая скорость, задний ход! По очереди!». Обезображенный выглядел паршиво. Очень тощий, с плохой кожей и волосами, рваными губами и язвами по телу.

Он искал удовлетворения собой и отвлечения от боли осознания гадости своего некогда прекрасного тела – сейчас испещрённой скверным оболочки.

Знакомство продолжилось: «Комбатант».

Привязанный накрест, он дёргался, хрипя злобно. Его квадратное лицо с неровным у брови к виску шрамом, искажалось в хрустящей ненависти. Застывало иногда полотном, по которому слайдами-хроникой: изжитая война и последующая угашенная в ощущениях линия исхода.

Он искал возносимого почёта своим свершениям скоропостижно прошедшего.

«Деменция».

Старик домашнего типа, читал книгу (только он, прочим

разрешалась лишь периодика «Здоровье» по подписке) карманного формата. Засаленную, будто высушенную после того как её сунули в воду. Страницы пышным жёлтым веером рядили узловатые (шишки) дрожащие пальцы. Он читал одну и ту же если не страницу, то главу – точно. Перечитывал, забывая содержание, перелистывал обратно, злясь об этом и, через секунды – забывая, о чём злился.

Он искал родных в проёме посещений недоверчиво и сварливо (открыто), так так наивно (прикрыто), так душещипательно (ещё более прикрыто). Он искал ассоциативных зацепок памяти (почему же *они* не придут к нему), не понимая настоящего без знания прошлого и не видя, понятно – будущего по этой причине. Он искал осознания, ведь не помнил совершённого, образующего его.

«Муниципалитет».

Бывший глава администрации, плотный сильный мэр. То ли притворялся, то ли действительно постепенно сошёл с ума. Статусно восседал задумчивый, томно качался вперёд-назад, сосредоточенно, пытаясь забыть ответственность. Пряча, ускоренно, на автомате тасовал (one-handed shuffle) трёпанную колоду карт с голыми дамами (тёртые до силуэта).

Он искал умиротворения в простом и понятном, упрощённом и линейном; чистоты помыслов и деяний, оправдания какого-никакого своим росчеркам и своим упущениям.

«Учёная степень».

Бывший советник при Муниципалитете. Носил очки,

много говорил, строил теории устройства пиротехнического подобия. Призывая к разговорам, пихал культей, не надевая тяжёлого валяющегося под кроватью протеза.

До лечения он искал (1) порядка, пытался выродить его из неразберихи, из хаоса. На месте пустоты дымчатой, разрушенной трухи – создать направленное, возглавляемое замечательное новое. Продуманное и эргономично великое. То, что невозможно сделать, редактируя существующее уродство (2).

Сейчас же он искал оптимального способа добиться своей цели, именно редактируя существующее недостроенное, полуразрушенное (2). Поняв, до лечения, что его подход (1) – серьёзно ошибочен, многозатратен.

«Трансильванец».

Сколиозный очень молодой с выпирающей челюстью. Не мог ощутить себя в конкретном месте. В палате он справлял нужду в углу, истинно ощущая, что находится в туалете. В туалете же он часто пугался, а не обманывает ли он себя и не стоит ли сейчас посреди палаты? Он пропадал в другие реальности на доли времени в моменты, когда не хотел осознавать реальность эту, угловую и коверканную нашими взглядами.

Он искал лучшее место себе. Чтобы *там* было хорошо (чтобы было “мягко”), где *он* есть.

«Сверхценный параноик».

Сухой, с впадинами на щеках, колкой седой небритостью.

Он ощущал теории заговоров. В основном – самые очевидные, прибыльные, клишированные, грандиозные (персонально и обще): мания преследования Его и подчинение всего – чему-то одному (но парадоксально в нескольких равных формированиях) Большому. Иногда были и прочие, но его не хватало распыляться на них вдумчивей. О них – не зна- чимо.

Он искал доказательств. Ведь если мир подчинён одному большому Заговору, верховенствующему – значит *всё* имеет смысл и *всё* есть понятно и объяснимо. Значит – так можно жить. Ну а поиск – ведёт к преследованию: непреложная истина – побочный эффект.

Знакомство оборвалось.

В первую очередь необходимо было прекратить сущее безобразие: Трансильванец мочился в угол палаты. Призвал мистера Экзекуцию. Тот стал крайне недоволен, крайне мет- ко оглянул на свидетелей, оценивая обстановку. Оценка об- становки прошла внутреннее одобрение: Экзекуция саданул под колени Трансильванца, тот упал, продолжая лить тём- но-жёлтым. Ему одним движением вывернули руки и ткнули лицом в лужу, возя по ней, как котёнка. Он недовольно за- плевался, попытался вырваться. С него через верх содрали рубаху, кинули её в мокрое, велели убрать и обсыпать хлор- кой. Трансильванец понял плохо (застыл с каплями на роже) и это – плохо. Потому что значит, что физическое воздей- ствие ему не особо указ.

Экзекуция принял решение: схватил за шею Обезображенного, прерывая его дикий мастурбационный процесс (заметил, что он стёр свой орган до каких-то мерзких микроязв), притащил его к луже, бросил туда. Нам бы с Экзекуцией разобраться было, конечно, спросить у другого персонала, насколько наши герои действительные психи. Но: мы относились загодя ко всем ним как к более-менее адекватным представителям человечества, которым не чужд страх оплеух. Мы игнорировали факт, что, скорее всего, они совсем уже не люди и они не подотчётны нашей этике, логике, морали и прочему такому, что мы считаем правильным и логичным, приводящим к закономерным результатам. Обезображенный дрессировке поддавался, очищал скорее, чтобы не тронули больше. Методика Экзекуции, путь проломного опыта – экономически верен и результативен.

Конспирация возможна в общине. Вне общины – конспирация не имеет смысла и не так интригует.

Явился Тот-самый Доктор.

Швырял на него взорами, ожидая, что он нарушит конспирацию и подмигнёт. Мол, помнит, знаем об моём случае. Вы тут ведь «по ошибке»? Обязательно вами займёмся! Всё будет на высшем уровне. Для своих!

Но Доктор и не думал нарушать конспирацию. Он буднично и апатично ходил, вроде как работал, борясь с похмельем и желанием уехать домой. На то он и великолепный специалист. Не осуждал, понимая всю тяжесть, принимая свою зависимость, догадываясь, суммируя: рано.

Репутации поговаривали, что благодаря своей эффективной методике терапевтического-аудиовизуальной, чаще с минимумом препаратов – Доктор избавлял и помогал пациентам по-настоящему: на корню «переубеждая» скос сознания. Ему бы в мировые светила, но он не хотел. Ему достаточно было удовлетворения от того, что он делает именно здесь. Здесь покойнее (тут родился-пригодился), здесь хватает Работы (не более 1,5 ставки), здесь его выжимает не хуже (плюс «переработки»), но главное ведь, что и там были бы, и здесь есть – Значимые Итоги (не плачь, не проклинай, а – понимай; вытаскивая из ям-колодцев Человека).

Гуманность без гуманистичных же претензий-обид-осуждений; без претензий в неоцениваемый *ими* урон. Чистая механика, исправление деформаций, ремонт физиологического и души.

Излеченные им пациенты не обязательно выписывались или переводились в настоящие тюрьмы с пометкой «вылечен». Нет. Он лечил их в качественно другом понимании. Он избавлял их самих от вне-себя. Они, после сеансов Доктора, после его индивидуальных воздействий-мероприятий на каждого – успокаивались, обретали мир внутри.

А это – и есть лечение психологически больных людей. Тем не менее.

Катамнез волнует многих: и старых, и молодых, и промежуточных.

Дежурства начинались с квалифицированно лечебных процедур – анамнезы, обходы, рекомендации, вербальные консультации, пометки в блокнот и в карты пациентов. С квалифицированно бытовых процедур – надеваем одежду, господа; учимся заправлять шконки, господа. С восстанавливающих процедур – формальная зарядка раз-два-три, для тех, кто может и кому от скуки. Продолжалось процедурами возлияния таблетками с внутримышечными и не совсем проколами.

Доктор выписывал, исписывал, давал указания персоналу, вызывал на интервью пациентов, вёл с ними терапию бесед, ментально уходил в неизвестность выбора тактик наступлений (либо осад) и – по новой. Соразмерно избранному верному алгоритму.

Смотрел любовно на эту кипучую производительность.

К тридцатым вечерам привержено устал.

Прилёгши на изглоданный диван.

Смотрел в тёмно-оранжевый закат в моллируемое солнцем стекло окна.

Доктор найден. Он не мифичен. Он сакрально присутствовал.

Моей целью было – переключить его внимание на себя, добиться лечения для себя, личных консультаций и личного соучастия с состраданием и поддержкой. Постепенно. Не шугая (подсознание), вдумчиво давая себя изучить.

Настроение готового к свершениям.

Безумная радость озарения, выиска неограниченного, выигрыша.

Понимаете?

Количество ступеней на лестничном марше должно иметь нечётное количество – для удобства перемещения по нему (начиная свой путь с левой ноги – левой же его и закончить).

Это правило также работает и в процессе проживания дня – встав не с той ноги – не с той ноги и завершить день. Ведь день имеет нечётное количество шагов.

Как-то рабочая смена подходила к концу.

Мы собирались передать управление. Происшествий не случилось, всё прошло в дежурном темпе. Перед уходом Экзекуция настойчиво напрашивался в гости, не особо утруждая себя подумать, что моей преподавательнице валеологии не понравится его присутствие; что лично мне не понравится его присутствие, особенно после длительного совместного провождения. Мне пришлось соврать о необходимости именно сегодня кое-куда направиться вечером – помочь родственникам с кое-чем на кое-какое неопределённое время. И, чтобы не дискредитировать Экзекуцию и не соблазнять его отправиться вместе со мной из альтруистичных побуждений – пришлось задержаться: застыть колоссом у простенка, зажать связки отмычек-ручек рам и истуканом окоченеть, прислушиваясь, как Экзекуция растворяется в расстоянии.

Постепенно ощущалось, как из здания уходят люди. Как

будто уходила жизненная энергия. Зданию корпусу диспансера становилось легче, вольготнее было дышать, хоть при этом оно извращалось в дубелую мертвечину. Наполненное только и много червивым больным.

Чувствовал нескольких ночных дежурных. Машину скорой помощи, остывающую. Пациентов засыпающих, неспящих, уснувших, беспокойных, тревожных, отчуждённых и воздерживающихся.

Под полторы сотни в постепенном несвойственном беззвучье.

И тут мне послышался звук удара молотком. Потом звук скрежета дрели. Потом гулкие предложения-словосочетания знакомым голосом и ответный на это вежливый смех. Звуки постепенно набирали силу, смелее захватывая пространство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.